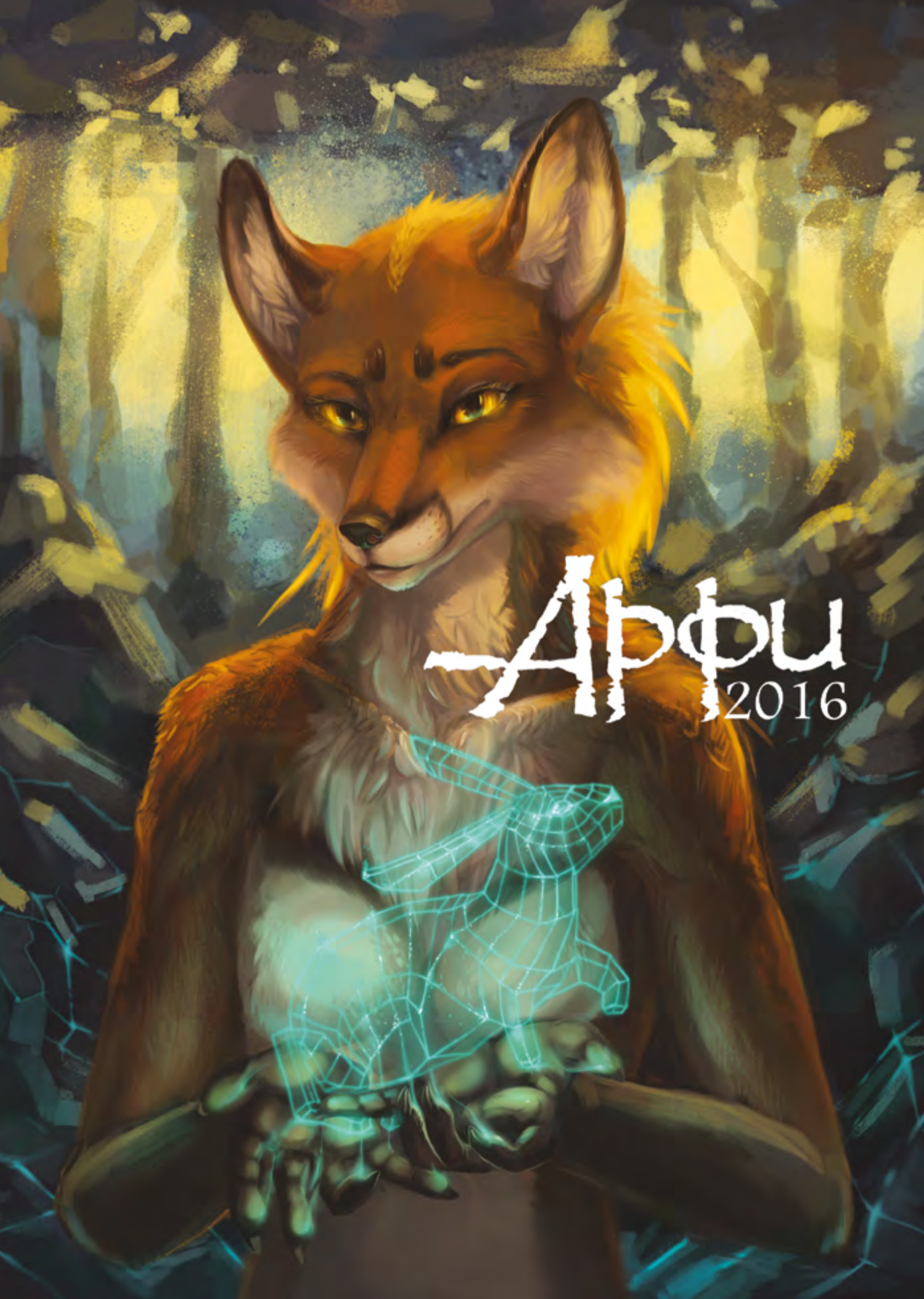

Дрфу
2016

PDF-Версия

АЛЬМАНАХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ФУРРИ-ИСКУССТВА

В НОМЕРЕ

«Когда ты — зверь», Кхра Фирос, стр. 7
«Время Крылатых» (отрывок), Кельт, стр. 16
«Волки севера», Zero Ni, стр. 37
и другие...

 FurNation.Ru

Оглавление

СТАТЬИ

The Paws Element4

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Кхра Фирос

Когда ты — зверь7

Барс8

Гепард8

*Маленький шар
в центре стола*11

Kovoranu

Вервольф12

Забывтое12

Рождение13

Дождь13

Песнь крылатых14

Небесный дракон14

Дело — в шее!15

Кельт

Часть вторая (отрывок)

Глава 1. Чёрная форель16

Мантс

Я приду с первой грозой32

Zero Ni

Волки Севера37

Художники

(в порядке появления)

Daria Arbuz

Для АРФИ 2016 (рис.)6

Фелис

Ксантор в скляночке (рис.)7

Гендер Бендер (рис.)8

Арбузик (рис.)31

Милота (рис.)47

Kotenok Gaff

Горный гепард (рис.)9

Дух леса (рис.)10

Лиски любят

мороженку (рис.)34

LaihoSavo

Freiflug (рис.)14

Conqista

Каджит (рис.)15

Anta

Вранов Тайник (рис.)27

Юна (рис.)35

Yasha The Husky

Хаски (рис.)33

AnsticeWolf

Sacred Place (рис.)36

Ронфф

Родео (рис.)45

Контактные e-mail авторов

и редакции АРФИ46

Создатели журнала и авторы

иллюстраций46

*Обложка: «Цифровое творение»,
автор Anta; персонаж: Forfaox*

*Внутренняя обложка: «Last Look» by
AnsticeWolf*

*В комплекте с журналом предлагается
диск MRFF. На диске можно
найти музыкальные
треки указанных справа авторов,
а также художественные
и литературные работы,
которые не поместились
в выпуск этого года.*

От редакции

Приветствия и завывания всем пушистым и чешуйчатым читателям!

Мы рады представить вашему вниманию очередной выпуск альманаха русскоязычного фурри-искусства по итогам 2016 года.

В этом выпуске рекомендуем обратить внимание на отрывок из второй части повести «Время Крылатых» от автора по имени Кельт, стихотворение «Когда ты — зверь» Тигреана Кхра Фироса и рассказ «Волки севера» от нового автора с ником Zero Ni.

А ещё в этом году нам удалось заполучить в музыкальный раздел несколько треков замечательной фурри-группы The Paws Element, которую мы в редакции АРФИ и MRFF очень любим за вклад в развитие пушистой музыкальной сцены и за то, что им хватило смелости выйти на сцену и стать первой настоящей фурри-группой в России.

Наша самая сложная и амбициозная задача в 2017 году — это попытка запустить премию ARFI Awards. Миссия этой награды в том, чтобы помочь развитию фурри-искусства в нашей стране и увеличить количество русскоязычных авторов, а после этого помочь им продвигаться как в русскоязычной, так и в англоязычной частях нашего сообщества. Кроме того, это составление списка лучших фурри-произведений за год, на основе опросов и голосований в различных номинациях. Вопросы о форматах и методологии отбора произведений, церемонии награждения, спонсорах ещё далеки от решения. Это пока всего лишь идея. Если она окажется интересна другим фурриям — мы постараемся вместе с ними реализовать её. Поэтому приглашаем всех желающих поучаствовать и высказать свои конструктивные мысли по этому поводу. Пишите нам по адресу редакции на последней странице или в группу ВК: arfi_magazine.

На диске MRFF

Приложение к журналу АРФИ 2016 можно скачать на сайте

AnsticeWolf

Рисунки (2)

Conqista

Рисунок (1)

LucyBlack

Короткий рассказ (txt-файл)

Ronff

Рисунки (3)

Алекса Бренан

Рисунок (1)

Кельт

Время Крылатых: Часть Первая (FB2)

Kotenok Gaff

Рисунки (3)

Фелис

Рисунки (13)

Музыка

Авторы этого года и количество треков:

Black 'n' White (8)

Coagmentum (3)

DUKE_ANGULIAN (1)

Momma_Z (1)

Talpesul (1)

The Paws element (3)

Veemie (3)

Статьи

The Paws Element

История музыкальной группы The Paws Element началась 2 марта 2015 года в пушистой голове её основателя и солиста Димки Пёсика во время концерта Fox Amoore на Русфурренции 2015. *«По сути не собирались даже выступать, просто хотел делать музыку»*, — так пишет Димка.

*«Я пишу, записываю и
свожу всё сам. Времени?
Если заморочиться, то за
день можно написать один
трек — и текст, и музыку».*

Ещё раньше на кухне с друзьями идея музыкальной фурри-группы обсуждалась, но только потом оформилась в первый микрофон и инструменты, деньги на которые пожертвовали небезразличные фурри и сам лидер группы.

Автор рисунка Belo4ka

* * *

За короткое время состав коллектива успел не раз поменяться. Успешно отыграны несколько концертов и написан двадцать один сингл, среди которых есть особенно любимая пушистыми слушателями песня «Мы фурри». Собственный концерт Павс летом 2016 года в Москве, судя по проданным билетам, собрал 54 слушателя, что совсем не мало для небольшого сообщества.

Для фурри-слушателей главный меседж этой группы — позитивный настрой и боевая оптимистичная направленность, а также дружеское отношение к фэнам. В песнях слышно желание показать, что фурри — очень дружелюбная субкультура, готовая всем дарить улыбки и радость. Есть песня, которая заставляет задуматься о судьбе бездомных четвероногих собратьев. А ещё просто отрывные и зажигательные,

ритмичные и лирические. Всё разнообразие пушистых эмоций, которые разрывают каждого из нас.

Как многие их коллеги по цеху, наши музыканты любят оттягиваться на вписках и жить в своё удовольствие, черпая в этом творческую энергию для написания новых песен и радуясь вниманию поклонников. Да и зачем изображать из себя скромнягу асоциала, если ты им не являешься? Ведь Фурри — это ещё и личная свобода самовыражения и радость жизни.

В планах на будущее — подбор нового состава, а затем больше выступлений и, конечно, запись первого альбома.

Судьба группы складывается сложно: меняется состав, а из-за ухода музыкантов случаются перерывы в творчестве. Но пока идея поддерживается главным действующим лицом и основателем — мечта продолжает жить. А мы продолжаем ждать будущие фурри-концерты!

StormWind

«Я в фуррях с 2006-2007гг., точно не помню... А песни пишу года с 2006го, правда, осваивать звукозапись не так давно начал.»

Фото: Димка Пёсик, лидер The Paws Element

Димка Пёсик: вся музыка и слова пишутся одним фуррём.

The Paws Element существует с 2 марта 2015 года
Записан 21 сингл

Самая известная песня: «Мы фурри»

54 проданных билета на первом концерте группы 1 июня 2016 года

Тексты и музыка пишутся одним фуррём — основателем группы

Официальная группа Вконтакте: <https://vk.com/thepawselement>

Кхра Фирос

alexsr.furnation.ru

Когда ты — зверь

Когда ты — зверь, и нет надежды сдаться,
Поддавшись зову шёпота из тьмы —
Беги вперёд — не нужно заблуждаться!
Срывая звенья сказочной тюрьмы.

Там зверь растёт, взывая без ответа,
И гложет прутья прочные клетки,
Скрываясь тенью, заблудившись где-то,
Желая облик свой в тебе найти.

Порой несладко — с ним бывает сложно:
То зубы скалит, то виляет хвост.
В борьбе неясной, с яростью возможно,
Победу жаждет, как желанный пост.

Но стоит ближе подойти решиться,
С теплом надежды, прямо от души,
И верный дух быстрее воплотится —
Прими его, но только не спеши.

Пусть не всегда в тех чувствах разобраться,
Возможность есть — понять и обрести.
Поможет друг, скрепляя узы хватко,
Неся свой дар, шагая по пути.

Барс

Говорит, как мурлычет,
И поёт нараспев.
Мягкий голос привычен
Отдавать тёплый свет.

Он шагает по нотам
С пушистым хвостом,
Заметая заботы
Своим волшебством.

Лечит раны успешно,
Разгоняя тоску.
В светлых мыслях надёжно
Обнимает Луну.

Добродушный характер,
И расплывчатый мех.
В отражениях пятен
Этот барс любит всех.

Гепард

Жил гепард с душой дракона,
Он любил сиянье звёзд.
Крылья сказочных фантомов,
Прятал в призме ярких грёз.

Улыбаясь безмятежно,
Путь искал в тропе судьбы,
На следах огни залива,
Шкура золотой искры.

Отдавал всем беззаботно
Всё тепло надёжных гроз.
На подушках лап мятежных
Краской мир хвостом принёс

И летать хотел успешно,
Рвались когти в небосклон,
Покорять простор неспешно,
Иль быстрее давать отпор.

Но как только поднимался,
Падал вновь на землю в тень,
Взмахи лап, рывком подался
В блики солнечных дождей.

И смотрел на звёзды, россыпь,
В тех огнях забылся зверь,
В них парить с душою можно,
Он свободен там теперь.

Маленький шар в центре стола

Маленький шар в центре стола
Блеском своим отражает снега,
В призрачном свете от хрусталия
Взору представит дым костерка:

Путник пригрелся, буря метёт,
Ветер в пещере гулко пройдёт,
Страх нагоняя или тоску,
Эхом летит, высекая искру.

Чувства туманны, мысленный ход,
Призваны руны, взмах, оборот:
Под переменной метаморфоз
Всё изменилось — лапы и хвост.

Тёмные скалы, острый оскал,
В ночь окунаясь, хищником стал.
След оставляя в тонкий астрал,
Тропы заветные долго искал.

Сосны мелькают, ветви трясут,
В льдинках шерстинки, лапы бегут,
Цели намечены, руны не врут.
Свет от Луны пробивается вдруг!

И разгораясь в жёлтых глазах,
Пламенем ярким на небесах,
Близится утро в серых тонах,
Чары скрепляя на этих плечах.

Kovoranu

Вервольф

Ты бежишь по полям,
Далеко до жилья,
Режет лапы бесчувственный лёд.
Грезишь о тёплых днях —
Снегом эти мечты
Заметёт, заметёт, заметёт...

Твоя цель впереди
К ней ты должен идти,
А иначе — ложись, замерзай
Шерсть в сосульках давно
Но тебе всё равно,
Слышен запах далёкий жилья.

И вот скрипнула дверь,
Внутрь заходишь скорей,
Вольным — воля, спасённому — рай.
Всё что произойдёт
Закуёт красный лёд,
Снег следы заметай, заметай...

Забытое

Я в ящике стола, среди вещей забытых
Нашёл жестянку разноцветных леденцов.
Семь тайн внутри коробочки сокрыты,
На сахарный, заманчивый засов.
Здесь семь цветов, и каждый что-то значит,
Возьми один, во рту перекаати.
И только так, никак уж не иначе
Ты в путешествие отправься по пути.
Лимонный, красный, синий и зелёный,
Оранжевый, лиловый, голубой —
Поля, пустыни, реки и озёра,
Макушки гор и ласковый прибой.

Рождение

Прозрачная роса блестит в цветке,
Как хрусталик сияющего шарик.
И в час, когда светает на заре,
Никто рождению не мешает.

Луч света в сфере жидкой заблестел,
Вдруг в самый центр капли собираясь,
И на цветке чуть дрогнувшем листе
Хрустальное создание оказалось.

Под светом народившейся зари
Темнее становилось его тело,
И скоро будто у него внутри
Горсть разных самоцветов заблестела.

Окрашенное в тысячи цветов,
Создание глаза свои открыло.
Мир встретить уж его давно готов —
Осталось лишь расправить крылья.

И бросив снопы бликов на цветы,
Создание рождение отметить
Своё решило, глядя с высоты
На мир, над коим нынче солнце светит....

Дождь

Она под дождём грустит, всеми забытая,
Но ей и не хочется, чтоб вспоминали.
Дождь брызжет с небес, как вода через сито,
И ветер лениво шумит тополями.

Вот капли текут по щекам, как слезинки,
Как это банально и как неизбежно...
Следы её тают в раскисшем суглинке,
И дождь наполняет как будто надеждой

Песнь крылатых

Нам ли грустить,
Коль нам даны
Ключ от небес,
И бескрайняя высь?

Выбрось печаль,
Ведь над тобой
Неба прибой,
Бескрайняя даль.

Крылья твои
Были даны
Резать ветра,
Домчать до зари.

В перьях звенит
Радости дух,
В небо пора,
Ну-ка, лети!

Небесный дракон

Лилового дракона глазом
Луна горит на небосводе.
Спалить дыханьем хочет сразу
Всё то, что взглядом он обводит.

И контур свой в небесной сени
Он в пламя погружает снова,
И облаков пугливых тени
Пугает свет от ока злого.

Но ввысь дракон взлетает плавно,
И с синью чешую сливает.
Весь жар, что был ещё недавно
Пропал. Час ночи наступает.

Дело — в шее!

Жирафам-девчонкам косметика нравится,
Они любят пятна поярче подкрашивать,
И рожки украсив, жирафа-красавица
Своим взглядом сердца попробует вашего.
А что же парням, чтобы этим жирафицам,
Запомниться сразу, мы всем предлагаем?
Меж хилым и сильным огромная разница:
Могучая шея, как пальма крутая!

Качай, качай шею,
Пусть будет длиннее, сильнее!
Качай, качай шею,
Качай, качай шею,
Качай, качай шею,
Девчонки так любят, длиннее, сильнее!

Девчонка любая, хоть и самая модная,
За шею тебя своей шеей обнимет.
В качалке труда твоего производная —
Внимание к парню жирафицы милой.

Да, умный очкарик порою пытается
Умом своим девушек тщетно порадовать.
Но нет ему шансов, они убегают все,
С накачанными пообщаться ребятами.

Качай, качай шею,
Пусть будет длиннее, сильнее!
Качай, качай шею,
Качай, качай шею,
Качай, качай шею,
Девчонки так любят, длиннее, сильнее!

Жирафицы-модницы в яркой косметике
Походкой к тебе прошагают волнительной...
Да, с мощною шеей не только в атлетике
Достичь можешь ты результат удивительный.
Качай шею в поле, в качалке и дома,
В лесу, за работой, и в прерии даже
С накачанной шеей красавцу такому,
Девчонка тебе ни одна ни откажет!

Кельт

zebra555@mail.ru

Продолжение трилогии, отрывки из которой были напечатаны в АРФИ 2014. Первая часть уже написана полностью, ознакомиться с ней можно по ссылке http://samlib.ru/j/jaroslav_woronickij/01.shtm или на диске MRFF этого года в формате FB2.

Время Крылатых Часть вторая (отрывок)

1. Чёрная форель.

Иногда случается, что враг должен остаться живым вовсе не потому, что ты сегодня добр, а... даже не знаю, почему... Не важно!

Итак, враг перед тобой! Он при оружии, у него нож, а ты как всегда вооружён лишь полупустой кружкой. Друг мой! Станешь ли ты в этот нелёгкий час спокойно допивать свой бурн? Я бы не стал, ибо что толку наполнять прохуdivшееся брюхо.

Из этого следует, что кружка давно уже летит в рожу его! И пока враг с радостным изумлением наблюдает за её полётом, что делаешь ты, о посвящённый в воинское искусство? Воистину! Ты радуешься вместе с ним, но не весёлому дождю из недопитого бурна, а своим освобождённым рукам, ибо лишь свободный имеет право выбора.

Каков же выбор твой?

Воистину да, о прилежнейший! Ты пошёл по пути Асара из Хатрийской долины, и вот враг лежит поперёк твоего левого колена и гнусная правая рука его, уже безоружная, трещит и ломается в запястье, но... Скажи мне, о первейший из учеников, пристало ли ушам твоим, привыкшим с младости к благородным воинским арогам да нежным любовным асталлам, слышать то, что ты можешь услышать из этих скверных уст? Воистину нет, ибо в устах его и твоё бесчестие, и его погибель! Протяни же правую руку свою и нанеси могучий удар пальцами, сложенными наподобие змеиной головы, точно у корня его хвоста, и онемее надолго поганый язык врага твоего, и услышишь ты тишину, достойную соловьиного пения!

Приём сей назван был «захвост»...

— Слушай, Аард, ты хотя бы когда спишь, можешь заткнуться?! Бубнит и бубнит, бубнит и бубнит! Тебе, наверное, гарем твой безрогий и во сне покоя не даёт? У газелей этих, и вправду, что хвост, что язык: отрежешь — ползать будут...

— Урнала, — проворчал Ягморт, — ещё одно слово, и по пещере будут ползать два языка! Хортом клянусь!

Фыркнув, коза умолкла.

Пещера, которую они выбрали для ночлега, была сухой, но кишела блохами.

— Гиены тут жили, что ли? — заворчала на этот раз Ракана. В темноте было слышно, как пума скребёт себе живот. — Да провались оно... Сожрали!

Большая кошка отбросила свой кроличий плед, села, яростно почесала за ухом и потянулась за оружием.

— Куда? — шёпотом окликнула её Мрита.

— Пойду Рохому сменю, не могу здесь, — пума с завистью посмотрела на мирно сопящего Аарда. — Дрыхнет, мешок рогатый, все ему нипочём...

— Ракана, иди, только молча! — вновь заворчал не выпавшийся Ягморт, и пума, набросив плед, поспешила из пещеры. Вернулась она сразу.

— Эй, подъём! Ягморт! Аард! Живо за оружие! Рохом...

— Убит?! — подхватив топор, волк с опаской приблизился к выходу и выглянул в холодный предрассветный сумрак.

— Хуже.

— Хуже?! Чего уж хуже, Ракана!

Урнала придержала за плечо дрожащую от возбуждения Мриту и подтолкнула к выходу Аарда с луком.

— Успеешь, — шепнула она оленихе. — Якра, Ракана, за мной! Хаар, за скалу! Дождавшись, пока коза отойдёт подальше, Мрита высунула нос из пещеры.

Рохом был жив, но находился в весьма непривычном для себя и неприглядном для соратников положении.

Барс, подвешенный за хвост и левую ногу на нижней ветви одинокой корявой сосны, что росла у самого обрыва, был обезоружен и зол. Меч в ножнах валялся подле, у корней дерева, а сам Рохом, со связанными за спиной руками и вставленной в пасть вместо кляпа толстой веткой, торжественно поворачиваясь, обозревал перевёрнутые предгорья и время от времени изумлённо шипел.

— Воистину, лучше смерть! — заверил всех волк. — Э, погоди, Урнала, пасть ему не распечатывай — такое будет!

Ракана уже сидела верхом на нижней ветви и ковыряла ножом стягивающую хвост Рохома верёвку.

— Крепко привязали. Эй, внизу, ловите!

Рохом тотчас очутился в объятиях Ягморта и Урналы, был уронен, дёрнулся, сузил зрачки и утробно завыл. На него шикнули.

— Аард! Якра! Как там?

— Чисто, волчара! — ухмыльнулся показавшийся из-за камней джейран.

— Следы?

— Полно!

— Его, вот... — ткнула пальцем в Рохома сильно озадаченная гиена.

Все переглянулись и вновь подняли оружие. Рохом взрыл спутанными ногами землю и завыл на тон выше.

— Развяжу, потерпи. Но если начнёшь орать... — Урнала погладила Барса меж ушей рукоятью глефы. — Так ты начнёшь орать?

Рохом убедительно молчал, и коза аккуратно освободила его от верёвки и бережно вынула из пасти измочаленную зубами ветку.

— Ну?

Рохом долго потрясённо мигал. Затем попробовал что-то сказать, брезгливо вынул пальцами изо рта кусок коры, обвёл всех странным взглядом и замолчал снова.

— Ясно, — вздохнула пума. — Никто матара не хочет, а то я замёрзла...

— Нашла время... — вздохнула Урнала. — Осмотритесь, может, пропало что.

Вздрыгнув, Ягморт бросился в пещеру за мешком.

— Ты хоть что-нибудь помнишь? — снежная коза участливо опустилась на корточки рядом с барсом.

— Схватили за ноги... Потом скрутили хвост... ни охнуть ни... — Рохом болезненно сморщился и осторожно пощупал копчик.

— Так сколько их было?

Барс пожал плечами, открыл рот, чтобы ответить Урнале, но тут вернулся Ягморт.

Волк показал всем рукавицу, в которой лежал таинственный слиток — холодный, целый и невредимый. Затем он сунул Урнале под нос мешок. В ладони от правой лямки грубая серая кожа была надрезана чем-то острым. Урнала вопросительно посмотрела на волка.

— Никто же не спал. Почти. Аард болтал, Ракана чесалась, ты храпел...

— Ладно, мешок, — задумчиво проворчал Ягморт, царапая тупым когтем надрез. — Могли бы и глотку...

— Киса наша, конечно не боец, но подобраться и скрутить ирбиса... — тревожно промурлыкала Ракана. — Нукарх это. Ну точно, нукарх!

— Так, пошли отсюда! — снежная коза подхватила ещё не совсем очнувшегося Рохома. — Якра, Мрита! Тащите всё из пещеры! Уходим.

Остановил их крик Аарда:

— Чужак на тропе!

Этим утром ветер дул с юго-востока, поэтому чужака заметили, когда тот уже появился из-за скалы. Чужак сбросил с плеча длинный свёрток, медленно поднял руки и не опускал, пока джейран не опустил лук. Ягморт обошёл Аарда и остановился в десяти шагах от чужака.

— Рад, что ты решился, Курнуб. Нам нужна твоя помощь.

Зверь на тропе не шелохнулся, лишь в глубине надвинутого на нос капюшона блеснули крупные желтоватые зубы.

— Удачи на охоте, тебе и спутникам твоим, Ягморт.

Голос грубый, тронутый ветрами да морозами.

Чужак поднял руку и сбросил с головы капюшон.

— Серна под гору скатилась и в фазана

превратилась... — ворчливо заметила пума. Урнала легонько стукнула Ракану рукоятью глефы по затылку.

Пообщаться с сернами Рохому довелось ещё в детстве. Угрюмый крючкорогий Хальф засадил ему в глаз снежком и пообещал сломать обе ноги, если Рохом ещё раз подойдёт к их жилищу, а тем более к его сестре. Хальсар, его повзрослевшая приятельница по играм, стояла поодаль, опустив глаза, не смея возразить старшему брату.

Серна расстегнул на груди тяжёлый кожаный салакаш, подхватил брошенный свёрток и направился к пещере.

— О, Курнуб! — то ли обрадовался, то ли удивился Аард. — Давно здесь?

— Шестой день, — Курнуб стянул с себя салакаш, оставшись в серой нижней рубаше без рукавов и кожаных штанах. — Упарился, пока бегал...

— Бегал куда? — насторожилась Урнала.

Курнуб тоже напрягся. Невысокий, широкоплечий, с мощными жилистыми руками. Упрямо выставив свои рога-крючья, он исподлобья уставился на Рохома.

«Горец, как есть горец, — подумал барс. — Так ты и есть тот самый Курнуб, что приносит диковины из колодцев».

Серна нервно пригладил вздыбившуюся на шее жёсткую бурую шерсть.

— Этого не помню, — прохрипел Курнуб, покосился на Мриту с Раканой. — И этих...

Пума фыркнула, Урнала украдкой наступила ей на пятку.

Курнуб подошёл к большому валуну, налёг на него всем телом и откатил в сторону.

— Колодец, если я чего в этом понимаю, совсем близко, — Урнала толкнула ногой брошенный серной длинный свёрток.

Свёрток зашевелился. Урнала нахмурилась.

— Неподалёку...

Курнуб достал из тайника мешок и длинный меч в чёрных кожаных ножнах.

— Не мог же я отправиться на встречу со старым приятелем и не наловить рыбки?

— Рыбки...

Мешок дёрнулся и скатился с тропы.

— Ой, Урнала, ты всегда была занудой, — Курнуб вернул камень на место, подошёл к уползающему мешку и прижал его к земле. — Спустимся в лог, там спокойно.

Заодно и позавтракаем.

Рыбина, принесённая серной, выглядела странно.

Рохом вначале принял её за крупную щуку, коих ещё в детстве немало переловил на озере Тарго. Однако, вместо чешуи, тело рыбины было покрыто чёрным, с тёмно-зелёными прожилками панцирем. Голова была безглазой, приплюснутой и формой своей напоминала лезвие копья. В пасти её барс разглядел острые пластины, заменявшие твари зубы. Рыба вяло шевельнулась, перевернулась на спину, показав грязно-серое брюхо.

— Кто это? — Мрита брезгливо отодвинулась.

— Та, за чьё мясо сунафы платят оружием и мехами, — объяснил оленихе джейран. — Ух ты, Курнуб, здоровая какая!

— Чёрная форель? — догадалась Мрита.

— На форель она мало похожа... — заметила гиена. — А она вкусная?

Ягморт отрезал рыбе голову, затем они с Аардом и Курнубом ловко освободили её от панциря и нарубили крупными кусками. Мясо рыбы оказалось чёрным, как древесный уголь, и пахло тинной.

— Разве что под пыткой вы заставите меня это есть... — наморщила нос пума.

— Пожалеешь потом, когда ни кусочка не останется, — предупредил её волк.

Ягморт нанизал сочащиеся чёрной кровью куски рыбы на тонкие еловые прутья. Мрита уже развела костёр. Курнуб расстелил на земле белый шерстяной коврик.

Чёрная форель Рохому не понравилась. Запечённое в углях мясо из угольно-чёрного превратилось в вишнёво-красное, отдавало затхлой колодезной водой и щипало язык.

Ракана разогревала на углях жареную зайчатину, Урнала и Мрита жевали сухари. Джейран долго вертел в руках страшную рыбью голову, неодобрительно поглядывая на пирующих Ягморта, Курнуба, Хаар и Якру.

— Братец мой как-то на спор сожрал этой гадости, — заметил он, — так чуть не помер.

— Посленересталовить надо, — назидательно ответил Курнуб. — Не жадничать и не хватать всё, что в сеть попало.

— С последним соглашусь, — ехидно заметил Аард. — Все бы Ловцы так делали.

Ягморт пристально посмотрел на серну.

Курнуб опять занервничал.

— Что не так?

— Хангара давно видел?

— Больше года, — подумав, ответил Курнуб.

— Как он?

— Как всегда. В заботах. Ещё Мойра... Должно быть, уже родила. Тебя в крепости часто вспоминают, особенно теперь...

— Теперь?

Прежде чем ответить, Курнуб долго скрёб основание своего правого рога корявым рабочим ногтем.

— В предгорьях Хортага и на плато появились наёмники Гиязи, — осторожно продолжил он. — Ведут себя тихо, к крепости не лезут, но их много. Я своими глазами видел бунаки: бычий череп, конские и антилопыи хвосты, орлиные крылья... Всех не вспомнить. Рябые, с ними ещё какие-то рыжие псы с юга, ещё какие-то... я даже не знаю, кто они.

Урнала многозначительно посмотрела на Ягморта, переглянулась с пумой и протянула Мрите очередной сухарь.

— Позавчера я спустился за рыбой в Большой Орфийский Колодец, — продолжал Курнуб.

— Как обычно, добрался до Белого озера, достал фонарь, острогу, сеть, выгнал плот из грота.

Курнуб нервно отхлебнул матара.

— Только выплыл на середину, смотрю, из южного сифона, сквозь воду — свет.

— Ликаоны? — хмуро догадалась Урнала.

— Говорили на хатрийском. Судя по голосам — четверо-пятеро. Знакомые Ловцы ещё весной новичков предупреждали, что в подземельях, на юге Орфы полно рябых и ралхов. Теперь уже и на севере.

— Что там за вудул объявился? — нетерпеливо перебила серну снежная коза.

— Вудул... — вздохнул Курнуб. — Если то, что про него говорят, правда, то всех местных колдунов пора гнать в шею.

Пума ехидно усмехнулась.

— Что, так силён? — насторожилась Урнала.

— Огонь с неба, вода из камня, золото из соплей... — таинственно прошептала Ракана.

— И это может.

— Брехня, — зевнул джейран. — А что до рябых... Сколько существуют Колодцы, столько и рябые с ралхами по ним лазают.

— Зачем? — спросила Мрита.

— Знаешь, сколько и чего сунафы за такую рыбину могут отвалить? — джейран бросил ей на колени крупный осколок чёрного панциря. — А я знаю.

— Дело не в рыбе, — возразил Курнуб.

— А в чём?

Ягморт вперил свои жёлтые глаза в серну и тот неожиданно замолчал.

«Колодцы... — вспоминал Рохом, поглядывая на чёрный осколок рыбьего панциря в руках оленихи. — Колодцами Ловцы чёрной форели называют входы в подземелья. Те самые подземелья плато Орфа, путь в которые открыли трое ликаонов из Чёрных Врат. Подземелья, где они нашли...»

Барс невольно потянулся к своему мешку.

«Знать бы, что за река такая?»

Рохом заворчал с досады, вспомнив, что карту у него украл Гарж.

— Свинья полосатая!

— Что? — вытаращился на него Ягморт.

— Ничего.

Волк достал из мешка рукавицу, вытряхнул из неё слиток чёрного металла и протянул серне. Курнуб недоверчиво прищурился.

— Быть не может. Откуда?

— Ты принёс его в Хортаг? Знаю, ты.

Серна осторожно положил слиток на свою ладонь, погладил кончиками пальцев.

— Ликаоны прозвали это Хоронхой Кад. Тёмный лёд. Я выменял его у знакомого ловца на одну красноглазую и две синепёрых форели. А когда показал Варгу, тот не торгуясь отдал за него меч.

Курнуб дотронулся до лежащего рядом оружия. Рука, держащая Хоронхой Кад, начала неметь, и серна вернул его Ягмарту. Волк поспешно спрятал диковину в рукавицу.

— Эта штука чем-то знаменита, раз имеет своё имя и стоит целого меча? — спросил он.

— Да рябые всему дают имена, — развёл руками Курнуб. — Всему, что находят и с чем сталкиваются на плато. Кольцевой коридор Ураза, каменный жёлудь, костяная петля...

— Милосердный Агос! — простонала Урнала. — Признавайся, до чего вы там докопались, рыбы души?!

Ягморт молча смотрел на серну исподлобья. Затем сказал:

— Хангар сказал, что ты лучший проводник на плато Орфа и в Хортагских предгорьях.

Брату я верю, а значит, и тебе доверяю, Курнуб.

Серна было открыл рот, но Ягморт не стал его слушать.

— Я хочу подобраться к Хортагу незаметно, — продолжал волк. — Незаметно для рябых. Незаметно для волков Хортага. По пути из Рамира, в Серых холмах, погибло много моих друзей, Курнуб. Тебе рассказать, насколько мне не нравится происходящее и как я не хочу неожиданностей?

— Неожиданностей не будет, — пообещал серна. — Пойдём не через Большой Колодец, а через Крысиный Сток.

— Его ж затопило, — напомнил джейран.

— Ничего не затопило! — обернулась к нему пума. — Мы с Урналой мимо шли, когда...

Встретившись взглядом со снежной козой, Ракана умолкла.

— Говорю же, там вода, — упрямо проворчал Аард.

— Спорим?

Ракана с вызовом протянула ему руку.

Воды в Стоке не было.

Самодовольно ухмыльнувшись, Ракана отвесила носу Аарда такой щелчок, что джейран взвыл:

— Ай! Волчья пададь! Зачем же так...

— Сам виноват, — проворчала пума, — нечего спорить было.

— Раз колодец, значит — вода... — не унимался Аард.

— Ну-ну... А раз газель, значит — белая задница и чёрный хвост...

— Хватит, — оборвал начинающуюся ссору Курнуб. — Нет здесь никакой воды. Озеро тремя ярусами ниже. Поэтому, воду беречь, а не хлебать, как бурн на тризне, слышишь, Якра? Якра? ЯКРА!

— Тут я... — отозвалась гиена.

— От меня ни на шаг, следов чтоб никаких, песни не орать — не на войне, — продолжал наставлять спутников Курнуб, — ещё... да, факелы беречь...

Рохом склонился над Крысиным Стоком — узким квадратным шурфом, почти вертикально уходящим вглубь плато сквозь толщи слежавшегося мела и известняка. Прислушавшись, можно было различить, как там, далеко внизу, не переставая гудит ветер. — Без верёвки. Там ступени есть.

— Иди ты, Курнуб! Покалечимся!

— Я пойду последней и заберу верёвку с собой. Ракана, ты первая.

— Сейчас! Пусть Аард лезет!

— Кому прикажу, тот и полезет первым! Давай, Рох!

Вопреки опасениям, ступени, вырубленные в наклонной стенке шурфа, оказались надёжными. Темнота обступила его. В уменьшающийся с каждым шагом квадратный лаз то и дело заглядывали настороженные морды соратников, застилая и без того скупой дневной свет. Нога провалилась в пустоту, и Рохом, сгруппировавшись, мягко соскользнул на сухой песок. Привыкающие к темноте глаза уже различали серые неровные стены справа и слева. Привязанная к поясу верёвка вопросительно натянулась. Рохом отвязал её, дважды дёрнул. Верёвка бесшумно уползла вверх, а барс отступил на шаг и прислушался. В подземелье гулял ветер: лёгкий, чуть влажный и тёплый, он нёс запахи камня и воды. Глубоко вздохнув, Рохом попытался успокоиться. Посыпался песок. Кто-то, напряжённо сопя, спускался к нему. Тусклое пятно света заплесало на полу, тени уползли прочь.

— Аард?

— Я.

Джейран поставил фонарь на землю, отошёл в сторону, достал лук и наложил стрелу.

— Мрита?

Олениха бесшумно опустилась на песок и спряталась за Рохома.

— Ракана?

— Уже семнадцатый год Ракана! — огрызнулась пума, спрыгивая рядом с барсом. — Уютно, — добавила она, осмотревшись, — Якре понравится.

Оказавшись под землёй, гиена принялась и расплылась в довольной улыбке.

— Крысы, — доверительно шепнула она Рохому. — Много.

За Якрой в подземелье появились Хаар, Курнуб и Ягморт. Немного погодя, последней спустилась Урнала.

— Наверху, вроде, спокойно, — сказала она, пряча в мешок свёрнутую в бухту верёвку. — Я там следы замела и дыру в земле полыньёй прикрыла. Курнуб, а многие про Крысиный Сток знают?

— Знают многие, — отозвался серна, — но чаще через Большой Колодец Орфы лазают.
— Почему? — насторожилась коза.
— Сами увидите.
Курнуб достал из мешка два факела, зажёл их от пламени фонаря и передал один факел Рохому.
— Послезавтра будем в Хортаге, а пока что, — он указал факелом в темноту, — вперёд. Прямо. Триста шагов.
Аард с луком наготове шёл первым, за джейраном шёл серна, пламя его факела дробилось о неровный потолок. Последними шли Ягморт и Рохом, а позади всех, в десяти шагах от отряда и в полной темноте, вдоль стены бесшумно кралась Хаар. Останавливаясь, прислушиваясь, пробуя тьму на вкус.
— Аард, стой. Просек справа. Нам туда.
Новый ярус. Тесный длинный штрек с низким неровным потолком. Рога серны то и дело чиркают о камень.
— Поворот влево. Смотреть под ноги, через семьдесят шагов старый рудоспуск! Сразу после него влево.
Уже через двадцать шагов Ягморт едва успел поймать за руку Мриту, угодившую ногой в яму, пробитую прямо посреди тоннеля. Ещё через десяток шагов в точно такую же западню едва не угодила пума.
— Чтоб им кроты чумные дыр в башке накопили. Копалки... — ворчала Ракана.
Тоннель сужался, загибался вправо и, по ощущениям, уходил глубже и глубже, под самое основание плато. Воздух сделался неподвижным и влажным. На стенах выступила роса, с потолка капало.
— До Батарги далеко? — шёпотом спросил серну барс.
Курнуб покосился на Рохому.
— Что ты знаешь о Батарге?
— Только то, что её когда-то рябые из Чёрных Врат нашли, — честно признался барс.
Курнуб вздохнул, покачал головой и прибавил шаг.
— Рябые... — хрипло выдохнул он. — Батаргу мой друг нашёл, а не какие-то там рябые. И сгинул в ней.
— Сочувствую.
— Это самая большая река Орфы? — встрял в разговор Аард.

— Из известных — самая.
— А сколько их всего?
— Шесть. Ырзь, Сорса, Таргала, Умарга, Батарга и Харна.
— Названия олорские, кроме двух, — заметила Урнала.
— Так половина здешних Ловцов из Олора и Хатра. Какие Ловцы, такие и реки.
— И все они впадают в Мелор? — заинтересовался Ягморт.
— А псы их ведают... — подумав, ответил Курнуб. — Батарга точно впадает.
Мрите показалось, будто чьи-то тонкие ледяные пальцы пробрались сквозь одежду, зимний мех и коснулись её тела.
Озеро Мелор...
Ониксовая гладь, не выдавшая солнца, не знавшая ветра. Берега из золотого песка и рыбьих костей. Неподвижное, чёрное ледяное сердце Хортага.
— Мелор? — недоверчиво переспросил Аард. — А разве оно...
Курнуб вскинул руку.
— Стой! Слышите?
— Я не...
— Тихо, Ракана!
И тут Мрита ощутила, как под её ногами мелко задрожал пол.
— Ой...
— Ох ты!
— Что это, Курнуб?
— Обвал. Глубоко... — серна долго не двигался с места. Насторожив уши, он пядь за пядью прослушивал темноту. — Идём. Прямо. Сто шагов. После осыпи — направо. Стой!
Факел высветил сплошное, до потолка нагромождение известняковых глыб.
Курнуб сбросил заплечный мешок и, бормоча ругательства, принялся осматривать завал.
— Пришли... — проворчал Ягморт.
— Год назад я возвращался этим путём из Хортага, — ответил Курнуб, осторожно ощупывая камни. — Ты смотри! Северная стена обвалилась!
— Хорошо засыпало! — Аард уже вскарабкался по завалу под свод тоннеля.
В ярости пнув свой брошенный мешок, Курнуб передал факел Ягморту и отошёл в темноту.
Волк задумчиво почесал свой нос и

передал факел барсу.

— Подержи. Ну-ка... — Ягморт толкнул ногой один из камней, забрался повыше. — Аард, помоги мне оттащить вот этот... Берегись!

Нехилая глыба, вырвавшись из их рук, покатила вниз. Взвизгнула Хаар, за ней — Якра.

— Вы убить нас хотите? — прорычала Урнала, прижимаясь к стене. — Слазьте оттуда!

— И вправду! — подхватила пума. — Валите от беды! Аард, тебя за хвост стащить?

— А здесь дыра...

— Дыра будет у кого-нибудь в башке, если вы не оставите эти камни в покое! — Курнуб вернулся к завалу. — Спускайтесь. Всем отойти. Дай факел, Рохом...

Взобравшись под самый потолок, серна осторожно приблизил факел к открывшемуся пролому в стене слева и внимательно всмотрелся в неё.

— Я так и знал... Эй, внизу! Глаза берегите!

— Курнуб ткнул в дыру факелом.

Хлынувший из неё поток крупных летучих тварей едва не погасил огонь.

— Мышки... — восхитилась пума.

— Зормово отродье... — проворчал Аард, пряча голову, — ненавижу их.

— Я тоже, — сказал Курнуб и с опаской пошевелил в дыре факелом. — Кыш! Кыш... сейчас я сброшу ещё несколько камней, и можно будет пролезть.

К ногам барса скатилась ещё пара глыб. Рохом потрогал одну из них ногой, сбросил с плеча мешок и решительно полез к серне:

— Дай я посмотрю, что там, в дыре этой...

Рохом бросил в темноту камень, сунул факел, огляделся.

— Ну как? — Курнуб попытался заглянуть через его плечо.

— Как в волчьем брюхе... Ракана... Ракана! Оставь в покое мышь и принеси мне ещё один факел!

Раздражённо фыркнув, пума отпустила отчаянно орущего нетопыря, достала из своей сумы новый факел и бросила его Рохому.

Зажжённый факел полетел в дыру и, упав, осветил сырой песчаный пол да часть бугристой чёрной стены...

— Не высоко... — Ягморт отодвинул барса

плечом и заглянул в дыру. — Аард, ты первый!

— Первый что? — насторожился джейран.

— Первый подонок в нашем отряде! — прорычал волк. — Полезешь первый! Лук держи наготове.

Ворча что-то про опасность попадания летучих мышей в хараш, джейран ловко проскользнул в дыру. За ним тотчас грузно полезли Ягморт и Курнуб. Следующими были снежная коза, пума и росомаха. Рохом помог оленихе и предложил помощь Якре, но та отказалась и попросила у барса факел.

— Полезу последней. Оставлю здесь... кое-что... — гиена застенчиво улыбнулась. — Ну... чтобы не ходили за нами... всякие.

Задержавшись, Рохом увидел, как Якра достаёт из своей сумы и с величайшей осторожностью раскладывает между камней и присыпает песком что-то маленькое и острое.

— Тебе лучше не знать... — усмехнулась гиена, поймав удивлённый взгляд барса.

Поёжившись, Рохом стал протискиваться в лаз.

Коридор, в котором они очутились, был гораздо шире и выше прежнего. Под ногами приятно скрипел речной песок, воздух был холоден и влажен, а гладкие чёрные стены блестели от росы.

— Никогда здесь не был... — задумчиво проговорил Курнуб. — Сдаётся мне, это бывшее верхнее северное русло Харны. Вода ушла отсюда после прошлогоднего землетрясения. Вот значит, откуда пришла водичка, смывшая лагерь старины Гольна? Ну-ну... Прямо.

— Уверен? — тихо спросил Ягморт.

Серна пожал плечами.

— Харна течёт на север, значит, путь верный.

— Может, вернёмся? — осторожно предложил джейран. — Что там со снегом?

— Обычно в это время на перевале без снегоступов делать нечего, — ответил ему волк. — К тому же, скрытно через перевал не пройдёшь. Теряем время, Курнуб. Веди.

Пробираться по пересохшему речному руслу оказалось нелегко. Встречались места, где песчаное дно подступало к самому своду, временами приходилось пробираться через завалы из чёрных, окаменевших от времени брёвен, обходить глубокие ямы с

неподвижной чёрной водой.

— Эй! Да вы посмотрите на это! — прошептала пума.

Одно из брёвен оказалось окаменевшей панцирной рыбой, длиною больше двенадцати шагов.

— Такая если лодку зацепит... — озабоченно покачал головой Курнуб. — К счастью, живыми их не встречал.

Ровное песчаное дно сделалось бугристым и покрылось липким чёрным илом.

— Стой! — приказал Курнуб. — Якра, дай копё.

Прежде чем ступить в ил, серна тщательно прощупывал его древком оружия.

— Идти по моим следам и ни шагу в сторону. Лис Тарган, из Хатра, в позапрошлом году на моих глазах в затянутый илом продох угодил. Тявкнуть не успел. Ты же помнишь Таргана, Ягморт?

— Помню, — сдержанно отозвался волк. — Никак ветер, Курнуб?

Все остановились, наострили носы и уши. Курнуб высунул язык.

— Точно, по верху тянет, — серна привстал, потянулся к потолку.

— Вроде дым, — Мрита шумно выдохнула.

— Чуете?

— Да.

Теперь и Рохом ощутил запах давно погасшего костра, смолы и железа.

— Стоянка на Харне, — догадался Курнуб.

— Брошенная. Там раньше лодки и плоты чинили. Хозяин уже полгода как пропал. Рыба лодку разбила. А сына его месяц назад ралхи на плато зарезали...

— А весело тут у вас, Курнуб, — оскалилась пума. — Прямо как на свадьбе.

— Вот куда водичка ушла, — серна пропустил колкость Раканы мимо ушей.

— Смотрите.

Рохом поднял факел к потолку. Впереди, всего в нескольких шагах, среди ила и нанесённого потоком мусора, чернела глубокая воронка.

— Дай факел, Рохом.

Факел тотчас полетел в воронку. Было слышно, как он упал на что-то твёрдое.

— Не высоко. Урнала, верёвку. Аард, ты первый.

Ворча под нос, джейран снял хурку и, бережно свернув, убрал в мешок.

— Рохом, давай за ним.

Жирный чёрный ил перемазал барсу штаны и рубаху. Кое-как продравшись сквозь узкий пролом между ярусами, он соскользнул по верёвке и прыгнул на упругий глинистый берег подземной реки. Барс поднял лежащий у самой воды, шипящий от сырости факел.

— Аард?

— Тут я.

Глаза джейрана вспыхнули красными искрами.

Через пролом в своде посыпалась галька. Ягморт мягко прыгнул на песок. Оглядевшись, волк сразу же расчехлил топор.

— Дай, — Ягморт забрал у Рохом факел и подошёл к воде. Река оказалась неширокой, шагов пять до противоположного берега. Аард уже разулся и, подернув сакаши, разгуливал вдоль берега.

— Холодно... — пожаловался он.

Волк тоже зашёл в воду. Факел в его руке высветил вбитые в противоположный берег почерневшие от воды сваи.

— Курнуб?

— А это и есть причал. Бывший.

— Бывший?

— Хозяин пропал. Следить некому.

— Всё, привал, — Урнала спустилась последней. Присев на песок, она с отвращением посмотрела на перепачканную чёрным илом шерсть и одежду. — Опять вычёсывайся.

Рядом с ней на песок плюхнулась Ракана.

— Ненавижу Орфу! — прошипела пума. — Скорее бы в Хортаг.

Курнуб достал походный топорик и принялся за работу. Он расщепил несколько оторванных от причала досок и соорудил костёр. Мрита зачерпнула в котелок воды из реки. Ракана достала мясо, Урнала — сухари и сушёные яблоки. В мешке оленихи нашлась даже украденная у рябых и утаённая от Карраха фляга бурна, но никого это не обрадовало. Урнала и Ягморт не выпускали из рук оружие и угрюмо пилились в темноту. Хаар с тревогой приноживалась к сквознякам. Мрита, несмотря на сырость, пряталась в тени.

— Непокойно мне.

Аард встал, нервно дёрнул своим чёрным хвостом и обернулся к серне.

— Слушай, Курнуб, а что там наверху? То есть на поверхности?

Прежде чем ответить, Курнуб задумчиво дождался сухое яблоко.

— Большой колодец остался на юге, Кровавая Топь восточнее, значит...

— Курган Эйла? — подсказал Ягморт.

— Да, — Курнуб пристально посмотрел на потолок. — Да, наверное.

— Земли севернее кургана Эйла, это земли Хортага, — задумчиво произнёс Ягморт.

— А подземелья? — спросил Аард.

— С сегодняшнего дня, подземелья тоже.

Волк заглянул в свой мешок, затем подтянул ближе мешок Мриты.

— Припасов мало, — пожаловалась олениха.

— Только мука осталась да заяц горелый у Раканы.

— Горелый заяц не пища воина, — Ягморт пристально посмотрел на Аарда, Хаар встал и отошёл от костра. Джейран ухмыльнулся. Росомаха довольно оскалилась. Курнуб вздрогнул и предостерегающе поднял руку:

— Грабить Ловцов уговора не было!

— Не Ловцов, а рябых.

— Среди Ловцов каждый третий — ликаон!

Джейран хитро прищурился.

— Стареешь...

Курнуб обиженно вздохнул, покачал рогатой головой и отошёл от огня.

— Сутики пути до Хортага! Надеюсь, что обойдётся без разбоя! — ворчала Урнала. — Заяц им, видите ли, горелый!

На неё шикнула Ракана. В зелёных глазах пумы уже давно плясали кровавые черти.

— Это моя земля, — напомнил из темноты снежной козе Ягморт. — На своей земле я поступаю с чужаками так, как завещал Дарг Лютый.

— Трёх дней не прошло, как Агосару покинули! — продолжила кипятиться коза.

— Ты как-нибудь договорись со своим покровителем сама! — заворчал Джейран. — Без нас.

— Тебя никто не заставляет резать глотки, — присоединилась пума. — Можешь просто орать и плеваться... Ай! Чего дерёшься?!

— Уймись!

Курнуб яростно сверкнул глазами. На серне уже была тяжёлая воронёная кольчуга с круглым литым нагрудником. Следом к

костру подошёл Ягморт, тоже в броне.

— Рохом?

Вздрогнув, барс обернулся к волку. Тот не мигая, смотрел ему в глаза.

«Держись Ягморта. Боги хранят его для великих дел», — вспомнил он и молча положил меч себе на колени.

Курнуб зажёг от костра новый факел и вопросительно посмотрел на Ягморта.

— Готовы?

— Да, идём.

Мрита, про которую во время спора все забыли, давно достала из мешка и надела поверх хурки подаренную Аардом кольчугу. В броне олениха почувствовала себя увереннее, однако вскоре от промёрзшего железа её начал пробирать озноб. Мрита на ходу выудила из мешка толстые боевые рукавицы и тёплый волчий подшлемник, в то же время прекрасно понимая, что колотит её вовсе не от холода.

Хортаг, о котором ей рассказывал Арес, был последним рубежом Форна, за которым начиналась вечная мерзлота Белых Земель.

Хортаг Ареса — скреплённое узами крови и долга воинское братство. Хортаг Ягморта обещал быть другом.

«Что ж, — рассеянно думала Мрита, — верно говорят — у волков что ни арога, то о крови, что ни асталла, то о севере. Сама напросилась — буду знать».

Олениха больно ушибла нос о затылок идущего впереди Рохома. Барс молча погрозил ей кулаком.

Река стала шире, течение её ослабло. По берегам чаще стали попадаться завалы из камней да выброшенные из воды брёвна. Наткнулись на разбитую лодку и почерневший от времени плот, опутанный истлевшей рыбацкой сетью. В этом месте река делала крутой поворот вправо, огибая чёрную скалу и груды больших гладких валунов у её подножья.

— Чего встал, Аард? — с тревогой спросил Курнуб и поднял факел к потолку.

— Слушайте! — прошептал Джейран.

Ни звука. Лишь редкий звон срывающихся со свода капель.

— Гасите факелы.

Сырая колодезная тьма обступила их. Плотная, густая, осязаемая. Стало трудно дышать.

Рохом опустился на корточки и прижался щекой к влажному округлому боку валуна. Позади нервно зашмыгала носом Мрита.

Свет.

Широкое бледно-жёлтое пятно вызрело на неподвижном зеркале воды, ожили, задышали тени на неровных стенах.

— Аард?

— Молчи, Ракана!

Широкий плот в свете факелов торжественно и тихо выплыл из-за скалы. Стоявшие на плоту чёрные большеухие тени умело развернули его длинными шестами и привычно завели в крутой поворот речного русла.

— Аард, промажешь — за ухо дёрну!

Джейран лишь презрительно фыркнул, поднял лук и, почти не целясь, выстрелил.

Стрела вошла в грудь стоявшего на носу плота ликаона. Пёс тонко взвыл и полетел в воду. Вторая стрела угодила в затылок крупной пятнистой самке, третья — легко прошила кожаные доспехи на животе матёрого рябого самца. Ликаоны завывали. В панике бросив шесты и факелы, степные псы попрыгали в реку и, топя друг дружку, полезли на противоположный берег, за спасительные валуны. Ещё одна стрела отправила в воду замешкавшегося на плоту пса. Ловко брошенная серной верёвка с привязанным к ней стальным крюком не дала драгоценному плоту отправиться в скитания.

Засевшие в валунах ликаоны понесли непристойное.

— Хорьки! Воры! Молите Древних, чтобы мы вас этой ночью в Хорт не отправили, погадки змеиные!

— Сами погадки! — не выдержала гиена. — Возвращайтесь в Хатр, мышей дохлых жрать! — Кто это сказал?! Кто сказал?! Это ты, Якра?! — высоко над головой гиены просвистело несколько камней — Крысятница! Труп червивый!!

— Ушам не верю! — оскалилась Якра. — Это ты, Резня? Хвост помои, бешеная!!

— Резня?! — почему-то обрадовался Аард и потянул из колчана очередную стрелу.

— Свои хвосты помойте! — надрывались на том берегу. — Чтоб вас крысы изгадили! Всех на хурки пустим! Чтоб вам...

Аард, с луком наготове, осторожно перебрался через завал и осмотрелся. Брошенный на

плоту горящий факел давал мало света, но Джейрана это не смутило. Наскоро прикинув расстояние, Аард послал стрелу в один из камней, по ту сторону реки.

Брызнув искрами, она рикошетом ударила за валуны.

— Ай!!! Они сзади уже!

Первая выскочившая из укрытия собака заработала стрелу под правую лопатку и с воем поползла по берегу, второй в живот вонзился дротик Якры, в третьего пса полетели камни.

— Резня, я надеюсь, что ты была среди них...

— Аард! И ты здесь, понос шакалий?! — в голосе Резни звучал страх. — Я твои кишки по всей Орфе размотаю!

— Ну, и долго будем ждать?! — Ягморт уже едва сдерживал шипящую росомаху. — Курнуб!!

— Аард, не давай им высунуться! Мрита! Будь здесь! — серна потянул из ножен меч. — Пошли!

Ягморт недобро ухмыльнулся и отпустил Хаар.

Росомаха первой бросилась в реку, за ней — Ягморт, Курнуб, Урнала и Якра. Рохом соскочил на плот и с него длинным прыжком перелетел на тот берег, не замочив чукашей.

Навстречу ему поднялся здоровенный ликаон ростом почти с Ягморта, в тяжёлой кольчуге, да в придачу с громадным камнем в руках, однако, получив стрелу прямо в разинутую пасть, обмяк, уронил камень кому-то из своих на голову и покатился в темноту.

Рохом опередила Хаар. С урчанием росомаха протиснулась в щель между больших валунов, и степные псы заорали совсем по-другому. Сунувшуюся за росомахой Урналу щедро окатило кровью, и коза, ругаясь, отскочила.

— Рохом, к тебе бегут! — закричала стоящая на плоту пума. — Аард, стреляй! Аард, мышшь рогатая, почему не стреляешь?!!

— Потому, что пригнись!!! — раздалось за её спиной. Тотчас же левую щеку Раканы обдал неприятный ветерок, и пума ничком свалилась на брёвна.

— Рох, ты как там?

Рохом не ответил, поскольку и сам не знал, как это аардова стрела угодила в глаз неожиданно вывернувшегося из темноты псу, а не ему. Второму ликаону барс врезал рукоятью

по зубам от всей горской души, да так, что рука онемела. Третьего пса он не достал, и тот благополучно скрылся в темноте. Краем уха уловив скрип натягиваемого лука, Рохом поспешил укрыться за валуном, второпях наступил на руку мёртвому ликаону и выругался.

— Мрита, к тебе плывёт!

— Аард, добей!

Выглянув из-за камня, Рохом увидел, как стрела вспенила воду у самой морды плывущего на противоположный берег ликаона.

— Уйдёт... — простонала пума. — Ой, Мрита...

— Мрита, по башке его!

Ликаон проворно вскарабкался по мокрым камням, счастливо избежал очередной стрелы, ящерицей скользнул за валун и тут же, громко протяжно заорав, полетел обратно в воду.

— Так его! Мрита, молодец!

Пёс вынырнул. Хрипя и захлёбываясь, он наполовину выполз из воды, попытался дотянуться до засевшей в спине секиры, взвыл и ткнулся мордой в камни. Полежав, он с трудом поднялся на ноги и медленно пошёл на оторопевшую олениху.

— С-сука... — прохрипел он, и из оскаленной пасти полилась кровь. — Дай я только... Я тебе твои же кишки скормлю... я... — стрела пробила ему горло.

— Как ты его... — подоспевший джейран ловко добил агонизирующего пса ятаганом и попытался выдернуть из его спины секиру. — Ого! Девочка, тебе надо учиться стрелять из лука! Вот это загнала...

— Эй, все там живы? — донёсся из темноты голос Курнуба. — Рохом, Урнала, Ракана?

— Все здесь... У вас там как?

— Рохом, тут у нас кое-кто с секирой управляется не хуже Ягморта... Ведьмин хвост! Я её не выгашу!

— Конечно, не выгашешь, бестолочь рогатая! Хватит возить мертвяка по камням! — не выдержала пума. — Смотри как... и-и-х-х... о-у-у... Вот же пакость! Ягмо-орт!

— Ну, что? — подошедший волк критически осмотрел убитого и хмыкнул. — Это койот, а не рябой.

Одним могучим рывком волк освободил

оружие и протянул его Мрите.

Олениха шарахнулась от окровавленной секиры. Вздохнув, снежная коза отобрала оружие у волка и отправилась отмывать в реке.

Пума осторожно взяла Мриту за плечо.

— Однако... — пропела она, ощутив под тонкой шерстяной тканью салакаша и плотным оленьим мехом кременной твёрдости мышцы. Выдернув руку, олениха отошла за камень.

— Оставьте её, — строго сказал вернувшийся Рохом. — Аард, что с нашими вещами?

— Целы, Рох, — улыбнулся джейран, — сейчас во-он тот бурдюк с кошачьей мочой перестанет грабить убитого Мритой пса и поможет мне перенести их на наш новый плот.

Ракана ощерилась, но всё же поплелась вслед за Аардом.

— Ну, всё не так уж и плохо вышло, — промокшая Урнала, дрожа, куталась в плед. Секиру Мриты она заботливо прижимала к груди.

— Подраться толком не вышло... — посетовал волк, — зря только в воду лез. Двоих Хаар уложила. Аард остальных. Мрита...

— Рохом одному шею сломал... — подсказала коза, — и Якра... Где гиена?

Все трое переглянулись.

— Вот же отрава ходячая! — зарычал Ягморт.

— Якра! Якра!!

— Да тут я... — крайне усталая гиена выбралась из реки и принялась стаскивать с себя мокрую одежду. — Резня... — коротко бросила она.

— Убила? — спросил Рохом.

Якра молча кивнула.

Курнуб шевельнул ногой один из брошенных тюков.

— Вот что... Давайте для начала отгоним плот... хотя бы в ту заводь. А, Ягморт?

— Заводь, говоришь? Проверить не хочешь, что за заводь такая? Урнала.

— Что «Урнала»?.. — ворчливо откликнулась коза, плотнее закутываясь в плед.

— Идём. Всё равно уже промокли...

Снежная коза покосилась на совершенно сухого Рохома.

— А кошки воды бояться?!

— Хватит! — оборвал Урналу волк.

Буркнув что-то на Олорском, Урнала подобрала свою глефу, взвесила в руках, отложила и вынула из рукава салакаша короткий широкий нож.

— Ты идёшь? — донёсся из темноты голос Ягморта. Коза сбросила плед и устало поплелась за ним.

— Ну и... — подал голос джейран, когда молчание сделалось совсем тягостным. На него шикнули. Вновь стало тихо, лишь замёрзшая гиена стучала зубами. Рохом обернулся к Мрите. Олениха сидела на корточках, прислонившись к камню. Рохом попытался вспомнить своего первого убитого рябого и не смог. Выползший из-под Серого холма унгал напугал его куда больше. Почувствовав его взгляд, Мрита вздрогнула, удивлённо посмотрела на барса и отвернулась.

— Курнуб, — донёсся из грота голос Ягморта.

— Гони плот сюда. Поживее!

Грот был глубоким и просторным. Двенадцатибрёвенный плот он вместил в себя целиком, надёжно спрятав от чужих глаз. Ягморт с нескрываемым любопытством потрошил мешки ликаонов. Пума вертелась подле, рассчитывая не прогадать. Да и остальные не отставали. Оставленный стеречь вход в грот джейран с завистью прислушивался к происходящему.

— Хороший плед, Урнала! Возьми.

— Оставь себе, Якра! Слишком короткий...

— Аард! Стрелы! Четыре колчана!

— Орфа благосклонна к нам!

— А тут? Сухари, орехи, сушёные грибы... Рыба!!

— Мр-р! Рыбу мне!

— Крольчатина! Ягморт, мясо!!

— Ррра-а-ахх!

— Что ж, в основном еда, что неплохо. А оружие?

— Не особо. Стрелы... Один лук, но плохонький. Пять дротиков, одна кольчуга...

— Кольчугу — тоже мне!

— Нож. Ещё два шерстяных пледа... а здесь? Ого...

В свете факела, под пальцами Рохома заискрился великолепный густой мех, а гиена, пума, и снежная коза сдавленно застонали и заахали.

В мешке была хурка из меха куницы,

сакаши из соболя и длинный плетёный пояс, украшенный горностаевыми хвостами.

— Сшито очень хорошо и явно не на Ягморта... — произнёс Курнуб, и осторожно погладил лоснящийся мех. — Подарок самке, думаю...

— Очень высокая и стройная, — ревниво заметила Урнала, — не ликаон!

Мрита нагнулась и подняла мешок.

— Приметная вещица. Искать будут...

Только теперь все заметили вышитую на одной из лямок мешка руну.

— «Рурх», — узнала руна Мрита, — или «Ворон». Руна не наша, хортская...

К Мрите подошла росомаха, взяла из её рук мешок, понюхала, поскребла вышитую руна, задумалась о чём-то.

— Рох, что там ещё, в мешке? — подал голос заскукавший джейран.

Барс извлёк длинный, тяжёлый кожаный футляр, стянутый прочной тесьмой. На этот раз в свете факела заблестело серебро. Рохом озадаченно нахмурился.

Четыре маленьких тонких ножа — два с прямым клинком и два с изогнутым. Изящные серебряные щипцы. Несколько острых изогнутых игл и фляга из мутного стекла. В прозрачной жидкости плавала длинная чёрная прядь конского волоса.

— Ничего себе?

— Это лучше отдайте мне! — Якра решительно протянула руку к непонятным инструментам. — Поверьте, я знаю, как ими пользоваться.

Барс вытряхнул на плот содержимое меченого мешка — пару красивых и прочных чукашей, отделанных беличьим мехом, тонкий белый салакаш, пустую флягу, мешочек из тонкой кожи.

— Будто камнями набит... — он протянул находку Ягмарту.

— Не камнями, — задумчиво произнёс тот, развязав мешочек. — Желудями... каменными.

Странная находка пошла по рукам. Это и вправду были жёлуди, искусно выточенные из агата, любовно отполированные. Их приятно было держать в руках, если б не подозрительная бурая корка, густо покрывавшая каждый.

— Кровь... — принялся барс. — Что

это, Ягморт?

— Я не знаю, — ссыпав камни обратно в мешок, волк отбросил его в сторону. — Всё, уходим! Ракана, Мрита, Якра, Урнала, Хаар. Возьмите припасы, пледы, оружие и отнесите в Хортаг. Курнуб подскажет, как туда попасть. Расскажите всё Хангару.

Помолчав, волк добавил:

— Мы же поплывём дальше. Пощупаем за хвост этих рябых. Может, и про вудула узнаем чего.

Коза презрительно фыркнула. Пума недобро прищурилась.

— А у нас, что, ножи затупились?

— Я плохо сражалась?!

— Оглохли?! — внезапно рыкнул Ягморт, обнажая клыки. — Пошли! Живо!! Курнуб, расскажи им, как добраться до Хортага.

Разом притихшие пума и гиена принялись собирать разбросанные по всему плоту трофеи. Курнуб что-то вполголоса объяснял понурой Урнале. Росомаха недобро покосилась на волка и отвернулась.

Мрита облегчённо вздохнула. В Хортаг, так в Хортаг. Давно пора. От всех этих штолен, тоннелей, подземных рек, темноты и сырости оленихе становилось дурно, а бросок топора в спину койота, хоть и меткий, большой доблестью она не считала. Она спрятала секиру за пояс и подняла с брёвен один из мешков.

— Так, что, хурку эту никто носить не хочет? И сакаши? — донёсся до неё голос Раканы. Пума погладила драгоценный мех, зарылась в него носом, заурчала.

— Мр! Ну, если никто...

Подошедшая росомаха с ледяным спокойствием отобрала у Раканы меха и бережно упрятала в меченый руной мешок. Мешок перекочевал за спину Хаар.

Потерявшая дар речи Ракана лишь обречённо развела руками.

Факелы Ягморт приказал погасить, оставив лишь маленький походный фонарь Аарда. Света его как раз хватало, чтобы ходить по плоту, не опасаясь свалиться в ледяную воду. Курнубу и того хватало. Эти места он знал лучше, чем полость собственного мешка.

— Правее, там отмель.

Аард оттолкнулся от стены шестом, и плот

послушно обогнул гладкий скальный выступ, похожий на хребет большой рыбы.

— Держись стены. Течение нас само вынесет в правый приток.

— Что за река?

— Ырзь.

— С хатрийского значит «омут».

— Да, глубокая. Самая глубокая в Орфе. Вот она.

Плот качнуло. Сильное течение едва не развернуло его поперёк входа в узкий рукав, открывшийся в скале справа. Схватив шест, Курнуб помог Аарду пройти поворот.

— Всё, — выдохнул он, усаживаясь на брёвна. — Теперь ждём Вдовьего порога.

— Чего?

— Держитесь.

Плот крепко тряхнуло. Рохом пятками ощутил, как прямо под ним трещит и ломается раздираемое острыми камнями дерево, но плот выдержал.

— Ловцов здесь потонуло...

— А обратно как? — забеспокоился впечатлённый силой течения Аард.

— Никак. Дойдём до сифона, бросим плот, пощупаем рябых и через западный колодец уйдём к Хортагу.

— А Урнала?

— Урнала сегодня вечером выйдет через южный колодец, у леса. А мы завтра утром. Дай шест, Аард.

Со второй попытки Курнуб нащупал концом шеста дно и двумя сильными толчками подвёл плот к правому берегу.

— Донка, — пояснил он обернувшемуся к нему Ягмарту. — Вчера выше по течению две штуки поставил. Надо проверить.

Волк злобно глянул на серну, но промолчал.

— Привал, — бросил он и первым спрыгнул на берег.

— Тебе помочь? — спросил серну джейран.

— Нет, — откликнулся Курнуб. — Огня не разводить, только фонарь. И не разбредайтесь. Я скоро...

Проводив серну взглядом, Ягморт устало зевнул.

Курнуб спешил. Он прекрасно помнил места, где собственноручно насторожил две донки на крупную рыбу, хоть и прошло с той поры целых два года. Два года... То, что случилось тогда, надолго отвадило серну от Ырзи.

Отсчитав нужное число шагов, Курнуб остановился, присел и нащупал грудку камней. Пальцы привычно отыскивали укрепленный в камнях ржавый железный якорёк. Обрывок гнилой бечевы остался в пальцах. Спрятав якорь в мешок, Курнуб пошёл дальше. Вторая донка его не интересовала. Бесшумно скользя сквозь темноту, ощупывая стены, останавливаясь и принимаясь, Курнуб медленно приближался к своей цели. Сначала он почуял запах костра, гнилой древесины, шкур, железа, крови, а через десяток шагов различил тусклую дрожащую полосу света. Свет пробивался из-под не доходящего до земли шерстяного полога у входа в пещеру. Курнуб замер, прислушался, подкрался к входу и, собравшись духом, коснулся полога ладонью.

— Входи, серна.

Курнуб с опаской заглянул в пещеру.

— Входи, не бойся.

Постояв ещё немного и дождавшись, пока глаза более-менее привыкнут к свету костра, Курнуб вздохнул и медленно шагнул за порог. Пещера была невелика — шагов семь в глубину и примерно столько же в ширину.

В дальнем её углу теплился небольшой костёр, на углях которого четверо ликаонов пекли ободранные тушки летучих мышей. Тут же, у стены лежали ещё два пса, судя по количеству намотанного на них окровавленного тряпья — уцелевшие после встречи с Хаар.

Один безучастно рассматривал потолок, второй... Вернее, вторая...

Высокая худая самка ликаона в изодранном сером салакаше и лисьей хурке уже почти не дышала. Её левое бедро, раздутое и чёрное, не переставая сочилось тёмной вязкой сукровицей. Курнуб поспешно отвернулся и глубоко вдохнул, борясь с накатившей тошнотой.

Горал обернулся к возившимся возле очага рябым, и те, разом забыв про печёных мышей, покорно вытаращились на него. Ларс указал на раненых.

— Тащите к Хизри. Скажите, я сделал что мог. Если Салиса умрёт — немедленно ко мне.

Псы молча унесли умирающую рябую и помогли уйти второму раненому ликаону.

— Насмотрелся?

— Да, Ларс.

Курнуб не протянул Ларсу руки, а горал даже не привстал с камня, на котором сидел, несмотря на то, что ещё два года назад они были лучшими друзьями.

Два года скитаний под землёй не прошли для него даром. Горал исхудал и казался старше. Простой чёрный салакаш с кожаными накладками на плечах и груди висел на нём, как на скелете. Некогда густая, бурая, как у волка, шерсть поредела и вытерлась, а за ушами и вокруг небольших, очень острых рогов поседела. Руки Ларса скрывали тяжёлые боевые рукавицы. Оружия, кроме старого охотничьего ножа на поясе, у горала не было.

— В броне и с мечом, — Ларс укоризненно покачал головой. — Ну-ну, Курнуб. Начинал ты совсем не так.

— Ты тоже.

— Я ралхов по орфийским подземельям не вожу.

— Как и я.

Горал набычился и тяжело засопел.

— Значит, не с ралхами связался? — он бросил взгляд на раненых. — Поверю. Ралхи шкур не портят. Ырзь мало кто знает так, как ты...

Ларс прищурился, будто целился в Курнуба из лука.

— Жизнь здесь и без того слишком опасная. Теперь ещё разбойники...

— Ларс...

Горал жестом оборвал серну.

— Забавно выходит... — негромко произнёс он. — За два года скитаний по этим проклятым колодцам привыкаешь к такому...

— Ларс усмехнулся, показав белые зубы, и потряс рогатой головой. — Даже к здешней воде. Но не к отравленным дротикам. Тем более от бывших друзей...

— Бывших? — хмуро переспросил Курнуб.

Горал тяжело вздохнул и медленно поднялся с камня. Ларс был на голову выше Курнуба и, несмотря на худобу, гораздо шире в плечах.

Он кивнул в сторону раненых.

— Их что, росомаха драла?

— Может, и росомаха, — в тон ему ответил Курнуб.

— Уж не Хаар ли?

Вздрыгнув, Курнуб обернулся. Он мог поклясться собственными глазами — никого не было в том углу, слева от входа в пещеру. И — вот она... Только что вошла? Пряталась? Антилопа импала, высокая и жилистая, одетая в добротный чёрный салакаш, кожаную хурку и потёртые кожаные сакаши. Из-за спины выглядывала рукоять тонкого меча.

— Знакома с Хаар? — удивился Курнуб.

Импала кивнула и указала на раненых ликаонов:

— Она?

— Может быть, — пожал плечами Курнуб, отчаянно соображая, каким это образом могли пересечься тропки росوماхи и антилопы.

— Правый берег Калеи, семь лет назад...

— вдруг ответила импала, и улыбнувшись, прибавила: — Как у нас говорили: «Грибов в пустыне не найдёшь, Хаар дубиной не убьёшь».

— Погоди, Кайла! — перебил антилопу Ларс. «Кайла, — повторил про себя Курнуб. — Красивая...»

Горал взглянул на возившихся у очага рябых. Те нехотя оставили печёных мышей и, забрав раненых, вышли из пещеры.

— Донкар? — тихо спросил Ларс.

— Здесь. Давно.

В тёмном углу, за очагом сверкнула пара зелёных глаз.

Горал медленно подошёл к серне.

— Покажи мне свой меч, Курнуб, — тихо произнёс он, глядя серне в глаза.

— Покажи мне свои руки, Ларс, — медленно ответил ему Курнуб.

— Так, да?

— Ага...

Горал спрятал руки за спину. Курнуб бросил настороженный взгляд через плечо. Импала так же неподвижно стояла у входа, и большие глаза её тускло горели красным.

В противоположном углу обладатель зелёных глаз нервно усмехнулся.

— Так я пойду? — спохватился Курнуб.

Не спуская глаз с горала, он отступил на шаг.

— Иди.

Ларс хищно улыбнулся, и серне показалось, что по вздыбившейся на шее горала шерсти забегали холодные синие искорки.

Меч за его спиной вздрогнул в своих ножнах, затем изогнулся, будто только что пойманная рыба. Заскрипела кожаная перевязь. Курнуб отступил ещё на несколько шагов, смотря Ларсу в глаза, видя, что горал догадывается, насколько ему страшно.

Мех на затылке и за ушами вымок от пота, Курнуб сморгнул несколько капель со своих длинных ресниц. Импала задорно подмигнула ему.

— Пойду я, Ларс...

— Иди, Курнуб. Свидимся, дружище?

— А то. И не раз.

Очнулся серна лишь когда впереди затеплился скупой свет походного фонаря Аарда. Курнуб остановился, пощупал висящий за спиной меч, тихо выругался и плюнул во тьму.

«Свидимся, и не раз, — думал он, упрямо держа путь на дрожащий в вечной ночи непокорный огонёк. — Жди, как же!»

Я приду с первой грозой

Начинался дождь. Молодые листочки затрепетали в накатившем мраке, а резкий порыв ветра согнул деревья. Запахло дорожной пылью, но её сухость смешалась с влажным ветром, а потом всё это унёс новый порыв, швырнув взамен несколько крупных капель. Найтел встал на кровать и закрыл форточку, пока её не оторвало. Запах деревянных рам и пыли ударил в нос. Будет теплее — надо обязательно помыть окна. Снаружи раздался раскат грома, задрожали стёкла — начиналось первое действие в театре природы.

С юга надвигалась тьма. Чёрные тучи шли прямо на Подгорный, неся в себе воду равнин и личную надежду. «Я приду к тебе с первой грозой», — так он сказал в прошлом году...

Вильнув хвостом, Найтел спрыгнул на пол и чёрной тенью побежал вниз, на улицу.

— Назар Жындыулы!

«Почему сейчас?» — подумал ит и развернулся у ступеней.

— Зовите меня Найтел, я же просил!

— Зато твоё настоящее имя звучит грознее, — ответил с улыбкой человек, — ты обещал мне рассказ о своей родине.

— Лишь тогда, Жазушы, когда вы станете называть меня новым именем, — ответил Писателю Найтел и убежал на первый этаж.

— Ай, собака! — промурлыкал человек ему вслед и пошёл в другую сторону, к лестнице на чердак.

Ит предпочёл не услышать сказанного — слова были обидные, но тон совсем не враждебный. К тому же, на языке Жазушы это было обращение к равному себе, хоть это и странно для бесхвостых.

Ступени и ароматы комнат остались позади, ворс старого истоптанного ковра

в гостинной холодил голые лапы. На подушечках осталось ощущение пыли — надо будет выхлопать половики на всём первом этаже и найти способ не задохнуться при этом.

Дверной проём, веранда, сетчатая дверь на террасу, и мокрый ветер порывом забрался под шерсть. Свежесть, сила, буйство природы — казалось, стоит протянуть руку, и дотронешься до волшебства, оседлаешь ветер, познаешь весь мир.

Крупные капли стали падать часто, и несколько постояльцев забрались под крышу. Но косой дождь выгнал их с террасы. Из всех любителей смотреть на первые грозы Найтел остался один, к своему великому удовольствию. Другие люди его сейчас просто раздражали, какими бы хорошими они ни были.

На лужайке у пансиона цвела мать-и-мачеха. Цветы почти не пахли, но чуткий нос ита улавливал и эти ароматы среди мокрого дерева, влажной земли, дождевой воды и ветра дальних стран.

Ослепительно сверкнуло, и тут же ударил гром. От раската задрожали стёкла, и появилось желание спрятаться, распластаться и не высовываться. Триста тридцать три метра отсюда. Да, хорошо, что сейчас не в степи и не в поле — в Подгорном молния может ударить разве что в одну из башен. Если достаточно веришь волшебникам и инженерам, можешь даже гулять по улицам. Вот только не все любят мокнуть, и не у всех хватает смелости проверять.

Вспышка. Треск и грохот, прокатывающийся по всему небу, но ничего не видно — картинка отпечаталась в глазах и сквозь неё медленно проступает окружающий мир. Шерсть дыбом — от холода и нервов. Где же он? Как он появится в такую погоду? От станции сюда путь через поле и в горку. А может,

его вообще не нужно ждать? Кем нужно быть, чтобы знать, когда пойдёт дождь, и прибыть аж с моря сюда, вглубь континента?

С утреннего поезда ещё не привозили вещей. И пассажиров тоже не было.

Чёрный ит нервно прошёл вдоль перил террасы, не выдержал и прыгнул в дождь. Шлепки ног по лужам быстро утонули в рокоте воды.

Дождь нещадно и больно лупил по прижатым к спине крыльям, стекал по чешуе и кожистым перепонкам, холодил. Мокрые шорты прилипли к телу, сандалии частично скрылись в потоке воды, нёсшемся по дороге с горы. Странное ощущение удовольствия, что в мокрой обуви не задерживается вода, спорило с желанием надеть сапоги. Тейгар поёжился и пригнулся при очередной вспышке — к счастью, ударило не в него. Ох уж эта горная погода, меняется быстрее, чем успеваешь убраться с открытого луга. Спасибо, что не сель ещё...

Прикинув узор туч, диэлектрическую сопротивляемость воздуха и высоту деревьев в стороне, зелёно-салатовой расцветки драконид отказался от идеи спрятаться под деревьями. Если что — попадёт в первую очередь по ним, и всё равно, что это лесочек, а не одинокий дуб в поле. Вытянув массивный хвост и наклонив туловище вперёд, Тейгар шустро побежал по дороге в горку, отфыркивая стекавшую по морде воду.

Чёрная шерсть прилипла к поджарому тельцу, собачьи уши теперь казались особенно большими. Найтел спешил по дороге в сторону станции, пока не кончились дома. Открытое поле, уходящее вниз. Гроза. Не самое лучшее сочетание, чтобы оставаться живым. Наверное, поэтому с поезда ещё никого нет — пережидают грозу на станции, под крышей. Глупо же будет бежать мокрым, когда дождь кончится, и месить грязь, и так не встретить его, потому что обещание сложно выполнить.

— Вот она, первая гроза, вот он я,

под кустом сирени, босиком...

Найтел закрыл глаза и в окружающем аромате воды и земли подавил подступившие слёзы.

Громыкнуло ещё раз, где-то в отдалении. Гул прокатился по городу, волной задребезжали стекла в домах. В чёрном небе подрагивал свет, тучи натолкнулись на горы и закружились в растерянности. Шваркнуло снова и снова — ослепительно ярко и близко, так, что гром сопровождал вторую вспышку и отзвучал сразу за три, не переставая — то эхо успело вернуться от скал.

А между вспышками на дороге появилась фигура. Массивные ноги, широкие плечи, рогатая голова, а за спиной что-то, что могло бы показаться огромным походным рюкзаком, накрытым плащом.

Жёлтые глаза с вертикальным

зрачком встретились с карими. Сложно-описуемое выражение самокопания сменилось на ухмылку, а потом на широкую улыбку, и чёрная тень, поднимая брызги, с разбегу влетела в драконида и попыталась обнять. Это было непросто, учитывая перепонку, идущую по боку до бёдер, но сам Тейгар помог, приподняв крылья.

— Найтел... — жёлто-зелёная морда озарилась теплом и заботливостью, но на большее дыхания не хватало. Под светлыми грудными пластинами отчаянно молотилось сердце, прямо над ухом ита.

— Я думал, ты не придёшь, — чёрный комок сильнее вжался в крупную чешую.

— Я обещал, — сильные руки погладили ита по спине, выжав мокрую шерсть, — Пойдём, пока не простыли, не надо было тебе выскакивать под дождь.

— Иначе бы ты не приехал.

Драконида улыбнулся и лишь уткнулся носом в макушку.

— Теперь мы оба воняем мокрой псиной. Дядя Саша не разделит нашей радости.

— Я думаю, он поймёт.

В небе сверкало и громыhalo всё реже, по дорогам неслись потоки воды, но то ощущение, что бывает в начале дождя, будто бы вот-вот случится что-то волшебное, прошло. Дядя Саша понял это по опустевшему воздуху и поставил на огонь чайник. Затем обратился к жене:

— Лида, доставай пирожки. Скоро к нам прибудет постоялец.

— Куда ты спешишь? Поезда ещё не было слышно, пока оттуда доедут...

Дядя Саша пригласил свои зачёсанные назад седоватые кучерявые волосы и с хитрой улыбкой ответил:

— Этому постояльцу не нужен поезд.

Волки Севера

— Скооль!!! — рёв сотни крепких глоток отразился от стен и кровли длинного дома, стоящего в зажатой скалами долине в самом конце узкого фьорда, заставив мигнуть пламя факелов и даже огонь в очаге посреди пиришественного зала. — Скооль!!!

Хирд праздновал возвращение в родные северные земли из набега на Запад. Да, мягкие франкские девушки, сладкое вино, звонкое серебро и золото, драгоценные ткани и много-много другой добычи попали в грубые лапы походников. А самое главное — хлеб. Казалось бы, что такого? Было бы серебро. Но в Волчьем фьорде, куда уже засунул свои ледяные пятки старый инеистый великан — йотун, время от времени заваливая ползущим ледником-мореной всё новые и новые поля, так не считали. Из ячменя, который рос на этой скудной каменистой земле, можно сварить добрый эль, но всё равно целый корабль с пшеницей, захваченный у купца-франка, давал возможность пережить ещё одну зиму, не гадая, хватит ли зерна на пиво в праздник Солнцеворота или придётся голодать и грызть одну сушёную рыбу в ожидании весны.

— Скооль!!! — лилось в лужёные глотки красное вино из дубовых бочек, взятое в богатых землях короля франков, и медовуха, и густое доброе пиво, сваренные самками фьорда. — Скооль!!! За здоровье!!!

— Тихо вы, рыбы дети! — здоровенный медведь в тяжёлой кольчуге, которую не снял даже во время пира, поднялся с почётного места по правую лапу от хозяина дома и поднял большой рог, окованный серебром, в котором плескалась пенная влага. — Кто сегодня поит и кормит нас в своём доме?

— Вольф Вольфсон! — дружно заревели поднявшиеся с полными рогами и кубками в лапах воины-хирдманы.

— Кто нашёл нам новый путь на Запад через туманные волны?

— Вольф Вольфсон!

— Кто привёл нас к добыче и славе?

— Вольф! Вольф! Вольф!

— хирдманы дружно принялись скандировать имя своего вождя, стуча в такт тяжёлыми кулаками по затынутым в кожаные и стальные доспехи грудям. — Вольф! Вольф! Вольф!

А сам Вольф сын Вольфа из Вольфсхейма не слушал этого радостного шума, удачливый вождь сидел, погружённый в собственные мысли, и мысли эти были далеко не радостные. Пока хирд был в походе, йотун смахнул ещё один выгон и изрядную часть огородов, так что приказ запасти как можно больше корма для скотины, отданный ещё до отхода длинных кораблей — драккаров и круглого — кнорра, оказался провидческим. Пережить зиму удастся, но вот дальше... Дальше нужно было искать новые земли, на которые сможет переселиться род. А земли практически все заняты. Или идти под лапу к ярлам, отдавая им за аренду ферм и земель часть плодов труда сородичей и всю добычу, взятую в морских походах. Тем более что ярл Сгнюгвардсон уже не один раз пытался заявить права на Волчью падь и Вольфсфьорд. Пока безуспешно. Но явиться к нему с поклоном, как проситель, и принять от него браслет, став одним из его бондов, даже не хирдманом, а земледельцем-арендатором, это уже унижение, которого ярл с нетерпением ждёт и добивается уже не один год. И отдать корабли... Самое страшное, самое горькое, что только можно придумать. А заодно и раскрыть секрет навигации в туманных морях, открыть пути на Запад для жадного Щипача. Да, так и прозван был ярл Снэг Сгнюгвардсон, за привычку объявлять цель летних походов, потирая лапки и

приговаривая: «А этих мы пощиплем, ох пощиплем!». Только вот щипали его хирдманы в основном карелу да ижору да диких финнов, не рискуя выходить на простор великого моря Севера. Вдоль бережка... Тьфу, а не походы, да и добычи с них немного. А вот Запад... Богатый Запад, мягкий Запад, жители которого со страхом взирали на грубых северных варваров, что приходили с моря на своих ужасных драконьих ладьях.

Вольф, крупный серебристый волк, средних лет, синеглазый и острозубый, поднялся со своего сидалища, вырезанного из дубового пня, устеленного мехами, во главе стола и, подняв кубок, служивший ранее чашей для причастия во франкском монастыре, в ответ на здравницы своих побратимов, осушил до дна немалый сосуд, наполненный элем.

— Скооль! — рык вождя перекрыл шум, стоящий в длинном доме. — Скооль, братья! Восславим богов за победу и добычу! Воздадим им за ровный путь по морской дороге! Да славится Один — Отец дружин!!!

— Один! Один! Один! — хирдманы дружно ударили кулаками по столу из толстых ясеневых досок, отбивая ритм.

Вольф широко улыбнулся и, задрав голову к закопчённому потолку, громко взвыл, словно дикий, двоюродный родич, на Луну, и вторили ему голоса дружины и домочадцев, только рабы-трелли молчали и смотрели в пол, прижимаясь к бревенчатым стенам. И как только замолкла эта древняя боевая песнь Вольфсфьорда, пальцы хёвдинга сжались на золоте кубка, превращая его в бесформенный кусок металла. Брызнули в стороны самоцветы, скривилось, смялось изображение распятого бога на выпуклых боках, и изувеченная чаша полетела в огонь очага.

С грохотом и лязгом ломались о крепкие черепа стеклянные чаши из далёкого Византия, лопались в грубых пальцах окованные серебром рога, взятые у саксов и франков, сминались тонкие оловянные стаканы. Хирдманы приносили малую жертву Ассам, проливая на земляной пол Вольфсхейма эль, медовуху или вино, после чего разбивали свои сосуды для питья о

головы, тут равных не было трём братьям Трорсонам — огромным бурым медведям, либо давя их в огрубевших от вёсел и оружия ладонях.

Трелли и младшие родовичи, прислуживающие на этом пиру, тут же снова обнесли викингов новыми кубками, наполняя их пьяной влагой, выставили на стол новые блюда, чтобы не было у гостей нужды ни в питье, ни в еде. Вольф уселся обратно и не глядя принял у бесшумно подошедшей девушки-треллы наполненный вином туриный рог. Из глубины спадающих на мордочку молодой волчицы перепутанных длинных волос пронзительно сверкнул быстрый взгляд голубых со стальной искоркой глаз, но пленница тут же опустила взгляд, прячась от своего хозяина. Её взяли в последнем походе, вместе с другими самками, во время штурма замка франкского конта, взятого с налёта ордой вопящих от ярости язычников. Казалось, что могло быть хуже? Да только судьба волки не переменилась. Безмолвная служанка контессы, носящая рабский ошейник, оказалась прямо на пути предводителя налётчиков, когда он вышиб тяжёлым топором двери в покои контессы. Жуткий, пахнущий кровью, железом и дымом. А ещё морем... Об этих северных варварах рассказывали много ужасов. Говорили, что они насилуют, убивают и снова насилуют всех самок, которые попадают в их лапы, или приносят их в жертву своим языческим богам, сжигая живьём или пожирая заживо. Что это наказание и гнев божий, что нет спасения грешникам от этого бича небес и отродья Преисподней.

Для служанки, которая родилась свободной, но теперь носила тяжёлый бронзовый ошейник рабыни, любая участь была предпочтительней, чем унижение и вечная немота, казалось, что Небо услышало её внутренние мольбы и ниспослало ей смерть... Пусть даже её обесчестит сперва этот дикий воин, но лишь бы прервались мучения, лишь бы изменилась ткань судьбы. Так что она даже испугаться не успела, когда рычащий налётчик оказался прямо перед ней, а гордо подняла голову, подставляя шею под удар, и, глядя ему в глаза,

приготовилась принять последнюю муку и умереть. Только вот если ты хочешь насмешить Небеса — расскажи им о своих планах... Вольф, а это был он, оценил эту молчаливую отвагу и сделал то, чего от него не ожидал никто. А точнее, опустил свой жуткий топор-бородач, поднял моську девушки за подбородок и поцеловал её в плотно сжатые губы. Не грубо, легонько, лизнул её в нос, после чего взглянув в округлившиеся глаза, цвета полуденного неба, громко расхохотался и, крикнув что-то на своём грубом северном языке вломившимся вслед за ним воинам, обласкал пленницу и... Взвалив её на плечо, повернулся и унёс из замка, под хохот и одобрительные вопли налётчиков. Но не тронул её невинность, даже не покусился! Разве что пару шлепков по попе отвесил, чтобы не дёргалась, пока он нёс её на берег. Так она оказалась на длинном корабле. И, самое странное, никто не насиловал её, никто не пытался сорвать платье из некрашеной шерсти, не собирался жрать живьём или приносить в жертву. Добыча вождя так и оставалась рядом с ним весь поход, видела, как горели монастыри, как франкские всадники пытались опрокинуть стену щитов, а потом откатывались и бежали, окровавленные и растрёпанные, с поля битвы. Видела, как эти налётчики сгоняют на круглый корабль пленных самок, врываются в ворота города, которым владел убитый ими конт, как грузят добычу, как берут на abordаж купеческие суда. Казалось, что вождь варваров забыл о ней, но иной раз, проходя мимо сжавшейся возле мачты пленницы, он что-то весело говорил или смеялся...

Вот так и оказалась безымянная и безмолвная трелла в Вольфсхейме. И теперь прислуживала Вольфу на пиру. Как ни странно, но участь раба-треллы в землях Севера оказалась не столь уж страшна, как казалось раньше. Рабы были просто младшими, неразумными членами рода, вся ответственность за которых лежала на господине. Конечно, за побег или попытку завладеть оружием наказанием служила смерть, но это было куда более патриархальное место, чем замок конта, и наказывали слуг тут очень редко. Тем более что нашёлся

среди них и тот, кто владел, хотя и очень слабо, латынью, так что объяснили пленникам, что к чему, довольно быстро. А заодно в толпе пленных оказалась и контесса, захваченная в тот же день, что и её служанка. Так что теперь толстая куница обливалась потом от страха и напряжения, когда подносила к столу новые корчаги с пивом или брагой, взвизгивала от шлепков и щипков варваров да злобно зыркала на свою бывшую служанку, оказавшуюся в одинаковом с ней положении, но не боящуюся подходить даже к порожденью Сатаны, как тихонько называли его другие пленники.

Пир затянулся, на дворе уже начинало темнеть, когда к Вольфу подбежал отрок, оставленный на страже у ворот.

— Хёвдинг Вольф, странник просится на ночлег под кровлю твоего дома.

— Гость в дом — боги в дом... — волчара поднял голову и кивнул стражу. — Проведи его в зал, новый гость на пиру — добрый знак.

Когда странник вошёл в зал, все на мгновение смолкли, повернувшись к вновь прибывшему. Высокий старик в широкополой шляпе, из-под которой угрюмо глядел единственный глаз, цвет которого никто не смог определить, длинном тяжёлом плаще и с увесистым посохом в лапах всем казался знакомым и незнакомым одновременно. Вольф поднялся навстречу гостю и указал на место по левую лапу от себя, возле очага.

— Входи, добрый странник, под сень Вольфсхейма. Присядь у огня, ешь и пей вволю на пиру в честь нашего возвращения из-за моря. Отдыхай, отец, и пусть боги будут благосклонны к тебе.

— И тебе привет, Вольф Вольфсон, предводитель отважных... — голос странника был силен и звучал молодо, несмотря на возраст. — Благодарю тебя за приглашение и благое пожелание. Боги да благословят сей кров и сей дом.

Когда старик прошёл вдоль зала и уселся на скамью рядом с вождём, волка тут же подала ему рог, наполненный красным вином, что было взято во франкских землях, после чего пододвинула к нему поближе блюдо с печёной вепрятиной. Девушка заметила,

что лапы гостя были крепки на редкость, а под плащом, на широком ремне висел длинный меч с серебряным крыжем.

— Итебл благодарность, девушка... — гость глянул на треллу и словно пронзил её взглядом своего единственного глаза, — за заботу о старом волке.

Трелла склонила голову и быстро отошла в сторонку, старательно прячась за спинку сидалища Вольфа. От прикосновения пальцев этого странного незнакомца по всему её телу бегали мурашки, и её не на шутку трясло, даже сильнее, чем в тот день, когда она была готова принять смертную муку от лап варваров в стенах франкского замка. Однако это не был парализующий страх, это было что-то другое, что-то древнее и от этого жуткое. Как же хотелось ей закричать, но ошейник тяжело давил на плечи и голос не мог вырваться из пасти.

Меж тем, Вольф и странник вежливо беседовали, а хирдманы продолжали шумно и радостно пировать. Менялись блюда на столе, протянувшимся через весь длинный дом, плескалось в кубках, рогах и чашах пиво, сменявшееся вином и мёдом или брагой. Весь Вольфсхейм радостно гулял и развлекался. Только трелли да часовые у ворот и на сторожевой вышке оставались трезвыми. Но как только стражей сменят, они тоже присоединятся к пирующим, а треллям после того, как праздник окончится, достанется всё, что не выпили и не съели воины и домохозяева. Да и так голодным в доме Вольфа не останется никто. Пока есть хоть что-то в кладовых и погребях, никто не сможет усомниться в хлебосольстве главы рода Вольфов из Вольфсфьорда. Тем более что держать слуг впроголодь тут было не принято.

Да, богата была добыча в этом походе, очень богата. Больше пяти тысяч фунтов серебра и золота, меха, ткани, богатые одежды, вино, отличное оружие, выкованное франками, саксами и ромеями, стальные кольчуги франкских наездников, а ещё два десятка коней и больше сотни пленников, большую часть из которых составили самки. Молодухи и девушки. А ещё десяток тех, за кого можно было взять большой выкуп. Контесса, знатные франки, взятые на поле боя, толстый епископ, купцы... Ещё

шесть тысяч фунтов серебра, которые должны были заплатить за их свободу. Так что все, кто вернулся из земель Запада, радовались, пировали и славили богов, а ещё громче — своего удачливого и хитрого предводителя.

Трелла немного успокоилась и теперь наполняла рога Вольфа и старика, которые отвлеклись от общего веселья и говорили о видах на урожай, о лососёвой путине, об охоте на морского зверя, о том, как лучше сковать гибкий и острый клинок, о том, как выбрать деревья для будущих кораблей... Словно и не замечая всего, что происходило вокруг. Только одобрительные кивки и лёгкие смешки в её адрес показывали девушке, что оба собеседника довольны её услугами.

Солнце уже закатилось, и на небе высыпало многозвездье августовской ночи. Скоро уже нахмурится небесный свод, оденется серыми тучами и заждит осень, вскинется пенными валами лебединая дорога, закрывая морские пути, подуют холодные ветры, и птицы улетят в своё извечное путешествие, чтобы вернуться лишь следующей весной. Скоро придут холода, союзники злобных йотунов, скуют серебряным льдом беспокойные воды Вольфсфьорда, скоро... Но пока ещё тепло, пока открыты морские пути, только вот близится зима, близится с каждым восходом Солнца Фимбретиль — зима-без-конца, предвестник Сумерек богов, гибели мира и битвы Рагнарёк. Но не сейчас, не в этом году, ведь судьба уже определена и соткано полотно лапами Скульд, Урд и Верданди — суровых богинь-Норн. Так что пируют викинги в длинных домах, поднимая здравницы в честь Одина — Отца дружин, в честь могучего Тора, доблестного Тюра, хитрого Локи и прочих Ассов и Ванов — богов Севера.

— Значит, франкские кони? — странник отпил из своего рога и неожиданно ласково улыбнулся девушке, которая поспешила наполнить сосуд вином из глиняной амфоры. — Через море привезти коней и скот, это действительно трудно. Да ещё выйти на двух кораблях, а вернуться с пятью! Вольф Счастливым, вот как надо называть тебя, после такого похода.

— Да, кони и скот... — волк тоже подставил рог под багряную струю, но пить не стал, а только встряхнул копной волос цвета лунного серебра. — Они крупнее и сильнее наших, но не такие выносливые и корма им нужно больше. Но если скрестить породы, то можно получить очень интересный результат. А счастье в лапах богов... Недолго осталось нам пировать в этих стенах, придётся искать новый дом. Ещё пара лет, и ледяные пятки йотуна или сметут Вольфсхейм, или перекроют фьорд. Так что...

— Ха, не печалься, Вольф сын Вольфа. Ты ещё не знаешь, что спрядено Норнами и какое великое сокровище ты добыл в своём славном походе.

— Сокровище? — волк удивлённо вскинул голову, но вопрос замер на его губах, когда за частоколом гнусаво загудел рог, а от ворот через широкий двор побежал страж.

— У ворот гонцы от ярла Сгнюгригсона! — этот крик заставил снова смолкнуть весёлый шум пира. — Требуют немедленно пустить их к хозяину Вольфсхейма!

— Открыть ворота. Пусть войдут под своды Вольфсхейма! — хёвдинг жестом отстранил девушку, которая так и замерла с тяжёлым кувшином в лапках, и опустил ладонь на оголовье стоящего у трона широкого меча. — Кто бы ни прибыл, никто не получит отказа в гостеприимстве. Никто!

Недовольно ворчащие воины снова расселись по скамьям, оглаживая усы широкими ладонями, а в зал вошли те, кого страж назвал гонцами от ярла. Трое. Двое, укрытые глухими капюшонами широких плащей, остались чуть позади, у входа, а третий, роскошно одетый хорёк с серебряным поясом на бёдрах и серебряной цепью на шее, управитель ярла, вышел вперёд и, даже не поклонившись очагу и не поприветствовав собравшихся, сразу же вскинул лапу и ткнул пальцем в сторону Вольфа.

— Вольф Вольфсон из Вольфсхейма! Ярл Снэг Сгнюгригсон говорит моими устами, и я голос его. Великий ярл требует, чтобы ты явился немедленно пред его очи и предстал перед судом! Ты

без повеления ярла отправился в поход и увёл с собой воинов! Те, кто не придут на суд с повинной, будут объявлены вне закона, и лапы всех будут на них!

Громкий ропот возмущения поднялся среди викингов, собравшихся в доме, хирдманы медленно поднимались со скамей, и на их мордах было написано крайнее возмущение. Гость не просто нарушал обычаи, но и оскорблял хозяина дома и всех, кто ходил с ним в набег! Но хорёк, словно не замечая этого, продолжал.

— Вся добыча, что взята в набеге, принадлежит теперь ярлу Сгнюгвардсону: и серебро, и скор, и рабы, и корабли! И те корабли, что ты увёл на Запад, тоже принадлежат ярлу! И вся земля вокруг Вольфсфьорда и Вольфсхейм тоже! А если ты...

Слова посланника начали как-то странно растягиваться, становиться все глуше, словно доносились издалека. Волка, всё ещё держащая в лапках кувшин с вином, оглянулась на орущего невесть что пришельца, явно оскорбляющего хозяина, и тут вся шерсть под поношенным платьем у неё встала дыбом. От лап хорька струились чёрные нити ледяной тьмы. Они опутывали воинов, вскочивших со скамей, и те не могли вынуть мечи и ножи из ножен, не могли вытащить боевые топоры из-за широких поясов. Голодная тьма струилась, окутывая слуг и домочадцев Вольфа, только трое были свободны от её оков. Сам Вольф, с трудом преодолевающий напор ледяных нитей, но тянущий из ножен свой меч, старый странник, от которого тёмные пути просто отшатнулись, словно от пламени, да она. А парочка закутанных по самые носы спутников гонца уже медленно скользила по земляному полу дома, обнажив длинные кривые кинжалы к неподвижным хирдманам... Старик повернул голову к волке, и в её голове словно взорвалась картина разрушения.

Вольфсхейм пылал, лежали на земле стражи, которым чья-то подлая лапа перерезала горло, а чужие воины резали беспомощных викингов. Только Вольф с трудом отмахивался мечом от нападавших в дверях дома, закрывая спиной самок и детёнышей. Из дымной

круговерти неожиданно выступила тощая широкоплечая фигура в тёмном панцире из калёной кожи, обшитом железной чешуёй.

— А ты крепче, чем я думал, Вольфсон... — проскрипел голос из-под похожего на горшок шлема с полумаской-наморднем. — Даже ледяное дыхание Йотунхейма тебя не берёт. Ну да сейчас мы тебя пощиплем-пощиплем! Лучники!

И, пробитый десятком стрел, пал Вольф Вольфсон, не выпуская из лап окровавленного меча и валькирии — Девы битв подхватили его душу, чтобы отнести её в Вальхаллу...

— Убить всех! Никого не щадить... — вновь заскрипел-закаркал голос тёмного всадника. — Вырезать тут всех до последнего. Нам не нужны видаки. Нет, не нужны...

Девушка вынырнула из кошмарного видения и испугано взглянула в единственный глаз недобро улыбнувшегося странника.

— Тебе выбирать. Только тебе — загудел в её голове густой, звонкий и понятный голос старика. — Так что выбирай свою судьбу, но поторопись, времени очень мало.

Вольф почти обнажил клинок, вытащив его из драгоценных ножен до середины, могучие мышцы вздулись на его лапах и груди, но все больше чёрных нитей опутывало его, а гонец все приближался и приближался, и чем ближе он подходил, тем толще становились ледяные путы. Трелла растерянно оглядывалась, не зная, как поступить, ведь этот варвар был её врагом, похитителем, но этот запах... Запах кожи, железа, моря и неожиданно чистой шерсти, взгляд прямо в глаза, когда синяя молния пронзила её до самых пяток... Девушка металась взглядом по сторонам, казалось, что она сейчас просто задохнётся и потеряет сознание, но в какой-то миг всё решилось. Зал огласил невероятно высокий и звонкий визг, переходящий в пронзительный волчий вой, трелла вскинула над головой тяжёлую амфору с вином и...

— Не смей, немая! Я приказываю! — вопль контессы, донёсшийся из-за здоровенного горшка, куда та спряталась, лишь почуяла опасность,

только подхлестнул девушку, и она с силой швырнула кувшин прямо под лапы посланцу ярла. Звонкий удар лопнувшей калёной глины и хлынувшее на сапоги и полы одежды вино заставили того отшатнуться, и ледяная тьма, дёрнувшись, отпрянула. С яростным гулом взвилось пламя в очагах, и ярко вспыхнули приугасшие было факелы. Тишина рухнула! Освобождённые от пут льда и тьмы воины с рёвом вскочили со своих мест, обнажая оружие, парочка убийц даже пискнуть не успела, как на них обрушился стальной ураган и мгновенно смёл их, оставив только изрубленные зеленошкурые тела нефуррей с длинными крючковатыми носами.

— Тролли! — изумлённые воины на несколько ударов сердца замешкались, так что остальные события прошли мимо их взглядов.

Девушка упала наземь, впившись пальцами в душащий её ошейник. Бронза медленно сжималась, запирая дыхание и сдавливая ей горло. Нарушение приказа той, кто надел на неё это жуткое украшение, каралось смертью, если не будет отменено веление. И это было тем средством, которое удерживало юную волчицу от неповиновения. Тьма застлала её глаза, посеревший язык вывалился из приоткрытой пасти, пытавшейся схватить хоть немного воздуха, и весь мир становился призрачным, волка взглянула в глаза Смерти. Ещё немного, и металлическая удавка переломила бы ей шею, но тут в бронзу впились другие пальцы. Куда более сильные и грубые. Вольф видел, что произошло, и видел, кто освободил его и весь хирд от чёрного колдовства. Так что, как только волка вцепилась в ошейник и захрипела, падая наземь, он отпустил эфес меча и кинулся к ней. Краем глаза он видел, как хирдманы рубили троллей, как сжался в комок перепуганный хорь, оказавшийся в лапах разъярённых братьев Трорсонов, как старик-странник взмахом лапы остановил неминуемую, как казалось, расправу над колдуном, но всё это было неважно. Он тянул и тянул неподатливую бронзу, напрягая все свои немалые силы, и ошейник поддался. Сперва он прекратил сжиматься, а потом

начал медленно-медленно, неохотно, растягиваться. Вольф яростно оскалил зубы и вложил в рывок всё, что только возможно, на пределе, когда рвутся мышцы и суставы, когда трещат от напряжения кости! Волка с сильным всхлипом вздохнула, теряя сознание, и тут колдовской металл не выдержал и лопнул. Куски ошейника разлетелись по залу, стуча по столу и утоптанному земляному полу, покрытому свежей соломой, а Вольф подхватил на лапы бессильно падающую девушку, однако его тут же отстранил старик.

— Займись пленным, пока его не прибили... — проворчал одноглазый. — А я её подлечу, не бойся. Жить будет, уж это точно.

Вольф кивнул и, оставив потерявшую сознание треллу на лапах одноглазого, подошёл к воющему от страха хорьку. Нарядная одежда ярлова управляющего была изорвана и вываляна в мусоре, сам он был жалок и отвратительно вонял, однако братья Трорсоны его не убили. Пока не убили. Только помяли слегка, по медвежьим меркам слегка. Вольф, яростно скалясь, взял управляющего за глотку и посмотрел тому в глаза.

— Я, Вольф Вольфсон из Вольфсхейма, что в Вольфсфьорде, обвиняю тебя, ярл Снэг Сгнюгригсон, в трусости! Ты муж женовидный! Ты напал ночью и не предупредил, что идёшь! Ты подлый колдун и трусливый нидинг! Да знают об этом Небо, Земля, Огонь и Вода! Призываю в свидетели всех богов Севера, что отвергаю требования трусливого предателя и вызываю его на бой в круг равных, на хольмганге! На три щита, без пощады и сожаления! До смерти! А теперь... — волк брезгливо сморщился и отпустил глотку хорька, — убирайся к своему господину и передай ему мои слова. На рассвете я жду его на берегу фьорда, подле камня Семи воронов. Прочь, падаль!

Получив пинок под толстый зад, хорь, завывая, помчался к дверям, сопровождаемый смехом и оскорблениями хирдманов. То, что он успеет передать всё, что сказал ему Вольф, ещё до рассвета, знали все. Не на одних убийц надеялся ярл Сгнюгригсон, он явно ждал сигнала к нападению

где-то неподалёку. И от вызова на хольмганг никуда не денется или будет опозорен на все земли Севера, и скальды будут петь о нем оскорбительные ниды — хулительные песни, и даже после смерти не будет ему покоя, ибо трусов-нидингов ждёт не славная Вальхалла, а промёрзший до самого дна, наполненный отчаянием и мучением Хэль.

Девушка пришла в себя, неожиданно вынырнув из крошечной тьмы забытья, горло саднило, но дышать она могла свободно, перед глазами плавали разноцветные круги, и она не могла понять, где находится. Глухой шум вокруг, запахи, которые сбивались в непонятную мешанину, что-то мягкое под спиной...

— Я умерла и это тот свет... — промелькнуло у неё в голове.

— Ошибаешься, девочка... — голос странника окончательно привёл её в сознание. — Ещё не тот, а очень даже этот свет. Пей!

В пасть волки полилась тонкая струйка чего-то тёплого и сладкого одновременно, она рефлекторно глотнула, закашлялась и тут же принялась жадно глотать смесь тёплого козьего молока с медовухой из поднесённой к губам глиняной кружки. Голова перестала кружиться, прояснилась, а боль в горле и ободранной шее стихла. Молодая волчица открыла глаза и обнаружила, что лежит на лапах Вольфа, старик склонился над ней, а вокруг безмолвно стояла стена окольчуженных воинов в шлемах со страшными масками и с расписными круглыми щитами в лапах. Трелла ойкнула и попыталась вскочить на лапы, но неожиданно взлетела в воздух и оказалась сидящей на плече Вольфа.

— Что должно делать, если раб поднимет оружие в защиту хозяина и его дома? — рык серебряноволосого волка неожиданно стал ей понятен, хотя до того языком норгов она не владела.

— Свобода! — дружно взревели воины, вскинув к потолку щиты.

— Призываю в свидетели всех вас, побратимы мои, всех Ассов и Ванов, что сия девушка отныне вольна в своей жизни! Нет на её теле порочащих меток, и да не коснётся её более

Вольфсон, вот это и есть то сокровище, которое ты нашёл, сам того не зная. Береги её. Славное будет у вас потомство. Йотун тебя больше не побеспокоит, но новые земли за морем для своего рода ищи, сын Вольфа, так распорядилась Судьба, с которой не могут спорить ни смертные, ни боги.

Взвихрились полы плаща, ударили под кровлей невидимые крылья, и только отливающий золотом лист ясеня пал на стол, рядом с которым только что стоял странник.

— Один! Сам Старый Хрофт почтил нас своим визитом! — прошептал удивлённый и обрадованный Вольф. — Хэй, морские бродяги! Скоро рассвет! Поднимем чаши в честь Всеотца и его названной дочери!

— Скооль!!! — взревели викинги, и снова полились кровавое вино, и золотая медовуха, и пенный эль в глотки волков Севера. — Скооль!!! Вольф Вольфсон и Рёсква Вайтдоттир!!!

— Ну а пока ставят свадебное пиво и готовят новый пир... — взгляд волка стал жёстким, — ...мне нужно разобраться с этим нидингом Снэгом.

— Ты победишь, мой волк... — девушка обняла своего самца и нежно коснулась его губ своими, — а потом...

— Потом мы поплывём в Коннахт. Нужно же проводить родичей жены и передать им пару ласковых слов от хозяйки Вольфсхейма. Так где он находится, ты говорила?

Хнычущая контесса вылезла из-за горшка и, утирая перемазанную сажей морду, впила зубами в недогрызенную кем-то из воинов кость. Её судьба тоже была определена, как и судьбы всех остальных живущих в Мидгарде. Факелы догорали, и огонь в очагах подёрнулся серым пеплом, посветлело и посерело небо на востоке, а волки Севера, звеня доспехами и оружием, двинулись к камню Семи воронов. Новый день и новые битвы ждали острозубое воинство Вольфсхейма. Род Вольфа не пресёкся, как не пресёкся род Вайта, две древнекровные линии соединились, и две нити, сплетаясь вместе, легли в причудливый ковёр, сотканный богинями судьбы — Урд, Скульд и Верданди.

*Благодарим всех авторов, которые отправили работы в этом году!
Связаться с авторами или посмотреть другие работы
можно по приведённым ниже адресам:*

Алекса Бренан	<vk.com/id136771471>
AnsticeWolf AKA ToddWolf	<lugaru_91@mail.ru>
Anta	<vk.com/antanariva>
Conqista	<FA: conqista>
Daria Arbuz	<FN: dariaarbuz.furnation.ru>
Фелис	<vk.com/greycatfelis>
Кельт	<zebra555@mail.ru>
Кхра Фирос	<alexsr.furnation.ru>
Kotenok Gaff	<kotenokgaff.deviantart.com>
Kovoranu	<anonymous>
LaihoSavo	<FA: LaihoSavo>
LucyBlack AKA Lu Carrion	<lucyblack.furnation.ru>
Мантс	<den.prozherin@yandex.ru>
Ронфф	<vk.com/ronff>
Yasha_The_Husky	<FA: yashathehusky>
Zero Ni	<zero-ni.furnation.ru>
Редакция АРФИ	<vk.com/arfi_magazine> <stormcanine@yandex.ru>

Обложка: Anta — Цифровое творение (персонаж: Forfaox)

Постер: Anta — Цифровое творение (специальная версия)

Внутренняя обложка: AnsticeWolf — Last Look
авторство других рисунков указано в оглавлении

Главный редактор: StormWind

Помощник редактора: Lozi Cheetah

Диск MRFF: Lozi Cheetah

Вёрстка, дизайн: StormWind, Imanika

Корректор: Ambidexter

Печать: АРФИ

К печатному изданию АРФИ прилагается диск MRFF с музыкальными произведениями Furry-авторов и дополнительными материалами, которые не поместились в печатную версию журнала.

Встретимся на Русфурренции 2017!

Создатели альманаха и музыкального приложения выражают благодарность всем авторам, которые присылают свои художественные и литературные работы, статьи и музыкальные произведения для нашего проекта.

Если вы заинтересованы в участии, просим вас связаться с Редакцией журнала.

Ждём ваших писем!

Сайты, входящие в содружество:

АРФИ

<http://arfi.artfurry.ru>

[<arfi@artfurry.ru>](mailto:arfi@artfurry.ru)

MRFF

<http://mrff.ru>

[<lozi_cheetah@mail.ru>](mailto:lozi_cheetah@mail.ru)

FURNATION.RU

<http://www.furnation.ru>

Музыкальный раздел by Lozi [<lozi_cheetah@mail.ru>](mailto:lozi_cheetah@mail.ru)

Редакция АРФИ [<stormcanine@yandex.ru>](mailto:stormcanine@yandex.ru)

https://vk.com/arfi_magazine

Выражаем признательность всей пушистой
общественности за участие и посильную помощь.

До скорых встреч и спасибо за внимание!

**Приглашаем к сотрудничеству пушистых авторов всех
жанров и направлений! Присылайте свои работы.**

Russian Furry Publishers 2016–2017

АРФИ 2016

48 стр.

Тираж: PDF

